

Эльчин Исаков

ЗОЛОТАЯ ЯХТА

сказка для взрослых

Эльчин Исаков

Золотая яхта

Сказка для взрослых

Издательские решения

По лицензии Ridero

2018

УДК 82-3
ББК 84-4
И85

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Исаков Эльчин
И85 Золотая яхта : Сказка для взрослых / Эльчин Исаков. — [б. м.] :
Издательские решения, 2018. — 68 с. — ISBN 978-5-4485-3167-5

От бедности к богатству всего один шаг. И этот шаг, который делает герой книги «Золотая яхта», через пропасть. В книге описана современная история, отдаленно напоминающая известную сказку о Золотой рыбке. Вы совсем недавно слышали рассказы о человеке, который неожиданно сказочно разбогател, и знаете, чем в этой сказке все закончилось. Понять ту меру богатства и черту, за которую лучше не заходить, поможет эта мистическая история, возможно, произошедшая в наши дни. Это может произойти и с Вами.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Размышляя о бедности и богатстве, я каждый раз прихожу к выводу, что бедность – это болезнь. Она может быть врожденной или приобретенной, может быть даже наследственной и передаваться от отца к сыну, а от сына к его детям и так далее. Можно еще заработать бедность, если простудиться банкротством. Но есть и множество лекарств от этого недуга. Например, мечты о хорошей жизни в будущем, о том, что все будет хорошо, о том, что просто все будет. Люди пробуют различные методы лечения: антибиотики в виде поездок в дальние страны на заработки, витамины в виде кредитов под большие проценты, хирургическое вмешательство в виде краж. Случается и реакция на лекарство, подобная гастриту или кишечным инфекциям – нервные срывы, лишения свободы. Врачи за большие деньги прописывают своим миллионеробольным лечение голодом – то, с чем у бедных полный и бесплатный порядок.

Бедные желают разбогатеть, а богатые делают все возможное, чтобы не обеднеть. Между этими сословиями общества существует не обрываемая связь. Ни одни, ни другие не уверены в завтрашнем дне, и тем, и другим лучше не зарекаться. Думаете, легко быть богатым? Не знаю. Думаю, что это надо уметь. И, честно говоря, не всем богатство подходит.

Бытовые проблемы, хроническая нехватка денег, постоянное недовольство в семье из-за мелочей – вернее, из-за мелочи... Голодная собака и злая жена или наоборот. Впрочем, это не столь важно для нашего героя, ибо он бедняк. И, как полагается человеку его положения, располагает большим количеством свободного времени – для раздумий, конечно. Бедные думают намного больше богатых. Им ведь надо думать обо всем, даже о том, о чем богатые, наверно, вовсе не думают – о богатстве.

Бедные бедные.

Дом достался от прадеда, мебель – тоже. И пол, и потолок, и стены – все от него. Как предок оставил, так все и стареет, по сей день. Конечно же, добавились элементы современной жизни. Холодильник, например, или стиральная машинка «Вятка», без сушики, которая работает по настроению. Кондиционера,

естественно, не было. А зачем кондиционер, если ты живешь у моря? Постоянной работы у хозяина дома тоже не было, как и кондиционера. Зачем работать у моря? Точнее, кем работать у моря? Моряком? А может, рыбаком? Видите, сколько тем для раздумий, а вы говорите...

Жена досталась от ее отца. Он так и сказал: «Бери, это мое сокровище. У меня, кроме нее, ничего нет». Надо говорить «никого нет», но, видимо, он имел в виду, что приданого не будет, не рассчитывай, нет ничего.

Собака досталась от... впрочем, правильнее будет сказать — собаке досталось. Ох, и досталось же ей. Невольно вспоминаешь выражение «жизнь собачья», глядя на это задрипанное создание. Собаку звали «Крот», это все равно, что назвать мальчика именем «Самец».

Глава семьи и по совместительству хозяин этого дома носил звучную фамилию Архангельский. Пусть вас не смущает глагол «носил». Он и сейчас носит эту фамилию. Только в последнее время она звучит все реже и реже — нет повода ее произносить. Максим Архангельский уже давно безработный. Нет, не бездельник, просто уволили по сокращению человека, а новую работу найти никак не может. Жена его не то чтобы постоянно пилит, но все же травит жизнь потихоньку. Сама она портнихой подрабатывает, в основном ушивает, подшивает. Шить готовую одежду она не любит: долго это. Да, собственно говоря, и не умеет.

Детей у них не было и, наверное, уже не будет. Хотя откуда у меня такая уверенность? Я ведь не провидец. «Это все ваши герои. Что хотите, то и делайте с ними», — могли бы вы возразить мне, но погодите, вы ведь только начали читать.

А мне уже не по себе. Не знаю, что будет дальше происходить, догадываюсь только, что, как любой нормальный мужик, Максим тоже любит погулять с друзьями, выпить пивка, поболтать, и почему бы сегодня ему не встретиться с друзьями, что тут дурного?

Мог ли я, а уж тем более наш герой знать, что сегодняшний поход к корешам будет судьбоносным и перевернет всю его

жизнь? Он — точно не мог. А вот я предчувствовал. Честное слово.

Все дороги ведут в Рим, но только не в городе, где живет Максим. Тут они ведут в порт. Если город — живой организм, то порт — сердце этого организма. Он пульсирует, обеспечивая жителей всем необходимым для жизни. Побывав в порту, вы новости по телевизору можете в тот день не слушать. Курсы всех мировых валют вам известны, цены на продукты, недвижимость, товары и бензин вы тоже знаете, и политические новости успели обсудить с многочисленными знакомыми, то и дело приветствовавшими вас в «артериях» порта.

Максим направлялся как раз туда, в порт: там его ждали друзья. Они собирались пивка попить, свежей селедки пожевать. Он любил это место, даже когда-то работал здесь. Наверное, в этом городе не найдется мужчины, который хоть раз в жизни не поработал бы в порту. Друзья собирались в заброшенном, давно списанном баркасе и коротали время за разговорами, домино и картами. Пили — в основном пиво, иногда водку.

Скажи мне, кто твой друг — и оба пошли вон... Так, кажется, звучит эта пословица? Ну вот, значит, есть повод начать знакомить вас с друзьями Максима Архангельского. Они дружили еще со школы, учились в одном классе. Павел, Альберт, Николай и Андрей пошли в армию в один и тот же день, а с Максимом познакомились уже после армии, когда отмечали демобилизацию Альберта.

— Вы видели яхту, что пришвартовалась вчера? — открыл раздел местных новостей Павел, долгое время работавший на сухогрузе и потому много плававший, видевший много стран и знавший несметное количество анекдотов.

— Красивая? — поинтересовался Максим.

Яхта была его мечтой, несбыточной мечтой. Конечно, кто его знает, чему суждено сбыться, а чему — нет. Правильнее было бы сказать «голубая мечта», однако Максиму это слово наверняка бы не понравилось.

— Нет, уродливая такая, знаешь, вся такая золотистая, боль-

шая, с белыми полосами по бокам, — улыбнулся Павел. — Ты что, совсем дурак, Макс, как может яхта быть некрасивой? Это тебе не наш баркас.

— Ты, матросик, наш баркас не оскорбляй, а то мы тебя и утопить можем за такие слова, — вступил в разговор Альберт, низкорослый и, наверно, поэтому самый шустрый и веселый среди них.

— Утопить? Меня? Да легче бревно утопить, чем меня.

— Правильно говорят «Павел не тонет» или эта фраза по-другому звучит? — быстро спросил Альберт и отскочил назад, иначе не миновать бы ему столкновения с тяжелым кулаком Павла. Баркас наполнился громким смехом, но Максим его уже не слышал, не замечал, что говорят друзья. Ему не терпелось увидеть эту яхту.

— Где, ты говоришь, стоит эта яхта? — спросил он.

— Да там, за пирсом.

— Пойду, подышу воздухом. — Максим уже стоял у дверей. — И на яхту посмотрю.

Море. Обожаю море. Могу часами смотреть на нее. Постепенно меня охватывает ощущение невероятной легкости, хочется слушать море, созерцать лазурную гладь. Море ласкает, море кормит. Море и убивает. В конце каждого лета появляется ужасающая статистика утопленников, которая, по правде, ничего не меняет. Море притягивает к себе людей, и они, не задумываясь, бросаются в его объятия.

Как тот несчастный, что барахтался теперь в воде, пытаясь позвать на помощь. Все было тщетно. Упал он туда или прыгнул — разобрать было нельзя. На пирсе не было ни души, а разглядеть с берега тонущего было не так-то просто. Темнело, в порту было немногочисленно — в основном влюбленные парочки, слишком увлеченные друг другом, чтобы заметить человека в воде так далеко от берега. Я полагаю, что мужчина этот не умел плавать. Да, он определенно не умел плавать, иначе выбрался бы самостоятельно. Значит, надо было, не теряя времени спасать беднягу.

И предстояло это сделать Максиму Архангельскому. Сегодня роскошная золотая яхта, из-за которой он направлялся сюда, должна была помочь спасти жизнь человека. Она олицетворяла беззаботную жизнь и притягивала к себе людей — Архангельского, в частности, даже чуть больше, чем остальных. «Как только разбогатею, моей первой покупкой будет яхта», — любил повторять он. Можно подумать, что человек становится богатым в одночасье и тут же бежит в магазин за яхтой.

Макс шел по причалу вдоль пирса, чтобы насладиться всем великолепием шедевра английского яхтостроения. Он приближался к концу пирса. Если быть точнее — к воде. А еще точнее — к утопающему.

Максим и не вспомнит сейчас, что произошло раньше — услышал он плеск воды или увидел руки, пытающиеся за что-то ухватиться. Это ли важно! Разумеется, нет. Куда важнее героический прыжок в воду, техника плыть, загребая одной рукой, а другой, держа тонущего. В считанные минуты Архангельский вытащил несчастного на берег. После неумело исполненного Максимом искусственного дыхания без пяти минут труп открыл глаза и сделал глубокий вдох. Это был немолодой уже мужчина. Несмотря на продолжительное нахождение в воде, его кожа отчетливо сохранила легкий запах дорогого парфюма, в котором угадывалась интрига, насыщенность и благополучие и который невозможно было спутать с дешевой подделкой. Он был в плавках, а это говорило о том, что никуда он не падал, а сам, сознательно, в здравом уме и трезвом рассудке, залез в воду. Был ли он в том момент трезвым, пока еще остается для нас тайной. Не все же сразу. Однако то, что сейчас, когда я пишу эти строки, мужчина трезв, я могу гарантировать на все 99 процентов. Убрав с лица седую прядь волос, незнакомец спросил:

— Что тебе надобно, старче?

Что, поверили? Конечно же, я шучу. Он просто спросил:

— Как зовут тебя, счастливчик?

— Это я счастливчик? — с изумлением спросил Архангельский. — Или вы?

— Я уже получил свою порцию счастья, выжил. Теперь твоя очередь пришла.

— За счастьем выстраиваются очереди? — продолжал изумляться Максим. — Я за вами, вы позволите?

— Если бы ты знал, кто сразу за мной в этой жизни!

— Неужели Папа Римский?

— Он тоже.

— Ясно. Вас нужно поместить в теплое помещение и дать попить чего-то покрепче. А еще лучше врача вызвать.

— Я предпочитаю три в одном.

— Это как?

— Мне надо доплыть до «Катрин».

— До кого?

— Это название моей яхты. Там есть весь необходимый арсенал для утопленников и остальных чудаков.

Максим молча вытаращил на него глаза.

— Кто вы и как вы оказались в воде в такой холод? — спросил он, наконец.

— Кто я, ты еще узнаешь. А в воде оказался, чтобы поплавать. Судорога схватила, потому и пришлось тебе за мной прыгать. Спасибо.

— Не за что. Пойдемте. Вставайте, я помогу вам доплыть до яхты, — произнес Максим, еще не решивший, верить незнакомцу или нет. Странно было все как-то. Слишком уж сказочно.

— Все. Я дальше сам. Вот тебе, друг мой, визитка — сказал он, доставая из коробочки с замком своего золотого браслета. — Звони мне в любое время суток, по любому вопросу. Я твой должник до конца жизни.

И с этими словами мужчина сделал то, чего меньше всего можно было ожидать. Он вновь прыгнул в воду и поплыл, оставив мокрого, шокированного Максима на берегу с визиткой в руке.

Об этом случае Архангельский решил никому не говорить. Какая-то нелепая картина получалась, неправдоподобная. Звонить этому человеку с просьбами он не собирался, а посему можно позабыть об этом происшествии в порту. Ведь когда Макс

говорит «никому», то имеет в виду действительно всех — даже жену.

Максим решил так, но он не знал, что в мои планы входит совершенно другое развитие событий. И поэтому вскоре жена нашла визитку в кармане его брюк. Ну и, конечно, обо всем узнала.

— Чья эта визитка? — спросила она, вертя в руках кусок картонки.

— Друга одного, — не растерялся Максим.

— Да? А почему в таком случае я не вижу на ней слов «порт» или хотя бы «карась»? Ой, извини, вот же написано: «почетный портовый грузчик». Как это я не заметила? Ты за дуру меня держишь? Когда это у твоих друзей визитки были?

— Не были, а сейчас есть. Он из новых.

— Ты можешь что-то вразумительное сказать?

— Вразумительное сказать могу, только ты не поймешь.

— Интересная какая визитка. Никакой лишней информации, только имя Аркадий и телефон. Макс, ты мне скажешь, с кем на этот раз связался?

— Говорю тебе, случайный знакомый. В порту познакомились.

— Где в порту? Порт большой.

— На пирсе.

— У вас было свидание? Когда это было?

— Два дня назад, вечером.

— Вечером? А что ты там делал вечером? Из баркаса выгнали?

— Я любовался на яхту, Маша. Там такая яхта стояла! Если бы ты видела...

Максим прямо засиял, когда вспомнил про свою теперь уже «золотую» мечту.

— Ничего не поняла, ровным счетом. Ради всего святого, Максим, не томи, а? Будь человеком.

И тогда Максим, вздохнув, рассказал про все, что мы с вами уже знаем.

«О, женщина!.. Создание слабое и коварное!..» — сокрушался Пьер Бомарше еще в восемнадцатом веке.

О том же самом, но уже в двадцатом, думал Максим. Надо обладать богатой фантазией, чтобы представить, какой спектакль устроила Маша в тот день. Выражения типа «ты был мямлей и умрешь им», «нищета тебе к лицу» вылетали из ее уст одно за другим, она долго не могло успокоиться.

— У твоей жены нет даже стиральной машины, а ты в порядочность играешь.

— Есть у тебя машина.

— Сломалась, не работает. Слышишь? Не ра-бо-та-ет. Так что бери трубку и звони.

— Что я ему скажу? Машину, что ль, стиральную просить?

— Хотя бы. Начнем с малого, чтобы не спугнуть. Заодно и на вшивость проверим.

«А может, она права? Если он такой богатый, то машинка для него пустяк. Я же ему жизнь спас. Нет, не могу. Не буду я беспокоить его из-за стиральной машины. Мне неудобно. Не буду звонить», — успел подумать Максим, как вдруг почувствовал щекой холодный предмет. Жена сама, набрав номер, держала трубку, крепко прижимая ее к уху Максима. Послышались гудки. Ответили почти сразу, да так быстро, что Максим поначалу растерялся и мог выдать ни слова.

— Алло, слушаю вас. Кто это?

— Это Макс... Максим.

— Кто? — уверенный и звонкий голос на другом конце провода, видимо, не расслышал, а может, старался вспомнить, кто такой Максим. Или какой именно Максим — мало их, что ли.

Архангельский собрался и на этот раз четко произнес:

— Это Максим. Помните меня?

— Нет. Какой Максим?

«Как какой?» — подумал Максим, но тут же вспомнил, что они даже не познакомились в тот день.

— Я вас из воды вытащил... тогда.

В голосе Архангельского чувствовалось замешательство. Он

жалел, что поддался жене и позвонил.

— А, привет, мой друг. Рад тебя слышать. Как у тебя дела? Чем могу быть полезен?

То обстоятельство, что его узнали, придало уверенности.

— Спасибо. У меня все хорошо. Да вот только дома... жена говорит, ... знаете, у нас стиралка...

— Все ясно. Есть бытовые проблемы. Не переживай, пустяки. Жди. Тебя найдут.

— В каком смысле? — спросил было Максим, но его собеседник уже отсоединился.

— Первый раз в своей никчемной жизни ты сделал что-то разумное, — прокомментировала жена, оставшаяся довольной разговором мужа с незнакомым богачом. — Только вот не уверена, что все у нас получится без сложностей.

— Избавиться от тебя куда сложнее, — парировал Максим.

Они проснулись от стука.

— Кто там? — спросил подошедший к двери Максим.

— Доставка.

— Это тебя так зовут? А фамилия?

Распахнув дверь, Архангельский увидел на пороге двух молодцов, одетых в строгие костюмы с однотипными галстуками. Позади них во дворе стояла грузовая машина. Возле машины стояли еще двое в синих комбинезонах. Видимо, грузчики.

— У нас заказ по этому адресу, — произнес один из мужчин в костюме. — Несколько предметов.

— Какие предметы?

— Бытовая техника и аппаратура.

На то, как ребята в синих «ползунках» заносили нераспакованные ящики в дом, Макс с женой смотрели молча, слегка разинув рты. Машу беспокоило лишь то, что не все содержимое грузовика поместится в их дом. Мысли же Максима были заняты другим вопросом — «неужели это не сон»?

Жизнь налаживалась. В доме теперь был новый холодильник, новая стиральная машина, кухня оборудована всем необходимым арсеналом домохозяйки, в большой комнате стоял большой

плазменный телевизор, а музыкальный центр с компьютером еще даже не были распакованы. Они стояли посреди комнаты с еще несколькими такими же нераскрытыми коробками. Жена была на седьмом небе от счастья и уже не пилила мужа по пустякам.

Максим тем временем начал поиски работы. Так уж устроен человек — он должен работать. Работу можно не любить, работу можно прогуливать, на работе можно не работать. Но *работать* человек обязан. Звери охотятся, птицы летают, рыбы плавают, растения растут, машины ездят. А человек работает. Он и охотится, и летает, и плавает; он водит машину и также растет. Физически до 25 лет, духовно — всю жизнь. Веками оттачивая свое мастерство в той или иной области, человек стремится к совершенству, устраивает войны, злит природу, рожает и убивает себе подобных и... Нет, нет, стоп. Что такое? Меня занесло в сторону философии, и я совсем забыл о нашем герое. Он искал работу и в один прекрасный день нашел ее.

Устроился Максим водителем в муниципалитет. Зарплата была так себе. Но это лучше, чем ничего. Правда, хуже, чем что-то.

Все шло своим чередом. Работа — дом — порт — дом — работа. Такой круговорот жизни вполне устраивал его. Но нас с Машей — нет. Мы были единственными на целом свете, кого такое положение вещей не удовлетворяло.

Я жаждал приключений, она — материального благополучия.

Выражение «к хорошему привыкаешь быстро» может послужить лейтмотивом всей этой истории. И алчность только ускоряет привыкание.

Однажды, дождавшись мужа дома, Маша накинулась на него:

— Ты почему стиралку старую не выкинул еще, балбес?

— Жалко как-то. Перетащу в сарай, в хозяйстве все может когда-нибудь пригодиться, — тихо ответил Максим, уже начавший отвыкать от скандалов. Думал, все, остепенилась жена.

— И долго ты собираешься так жить? — не успокаивалась Маша.

— А что тебя сейчас не устраивает?

— Спроси лучше, что меня должно устраивать! Думаешь, напичкал техникой дом — и все? Да оглянись ты, смотри, как мы живем. Дом скоро на голову нам рухнет. Когда мы его отремонтируем?

— Ты что, совсем с ума выжила, старуха? Ты знаешь, каких денег стоит ремонт?

— Не знаю и знать не хочу. Хочу, чтобы ты немедленно позвонил своему новому другу. Пусть помогает, не дороже жизни обойдется.

— Маша, забудь об этом раз и навсегда. Звонить ему я больше не намерен.

— Ты сегодня же позвонишь ему, или я сейчас такую истерику закачу, что веревку с мылом просить у меня будешь.

Не стану описывать все это в деталях, лучше сразу перейду ко второму телефонному разговору Максима и Аркадия. Бедный мужик даже не знал, как начать разговор, что сказать. Ему было очень стыдно. Конечно же, Архангельскому хотелось жить в отремонтированном, чистом доме. Но звонить из-за этого... Однако жена не замолкала ни на секунду. Так что пришлось заново доставать визитку и набирать тот же номер.

— Алло, слушаю вас.

— Здравствуйте. Это я опять. Как поживаете, Аркадий?

— Кто? А, Максим, приветствую вас, друг мой. Получили посылочку?

— Ничего себе посылочка. Целый контейнер прислали. Спасибо вам огромное.

— Не за что, не за что. Чем на сей раз могу быть полезен?

— Мне так неудобно беспокоить вас снова, но знаете, тут такое дело, честно говоря, жена никак не уговорится. Вид нашего дома, видите ли, ей перестал нравиться. Ремонт вздумала сделать.

— Ясно. Не переживай. Все будет нормально. Жди. Тебя найдут.

На этот раз Архангельский даже спасибо не успел сказать,

так быстро Аркадий дал отбой.

«Успокоилась, гадюка? Будет у тебя ремонт», — думал Максим, от злости не находя себе места.

— Вот если бы мы познакомились при других обстоятельствах, — попытался объяснить он жене, — мне было бы не так стыдно просить. Сейчас получается, что я его шантажирую, давлю на слабое место. Некрасиво, Маша, пойми ты.

Но все было без толку.

Женщина с таким характером — исчадие ада.

Все знают, что такое ремонт. Максим с женой тоже знают. Точнее, знали. Теперь у них связаны совсем другие ассоциации с этим словом. Даже ненасытная Маша не ожидала такого продолжения.

Они ждали стука в дверь — открываешь, а там ремонтная бригада стоит. Но прошло уже три дня после их разговора с Аркадием, а стука не было. В душе Максим даже был рад этому. Что происходило в Машинной душе — можно только догадываться.

Прошло еще три дня. Утром рано зазвонил мобильный телефон Максима.

— Кто это в такую рань? — возмущенно буркнула Маша.

— Сейчас узнаем. Да, алло?

— Здравствуйте. Максим Архангельский? — раздался в трубке незнакомый мужской голос.

— Да.

— Вам надо подъехать кое-куда. Через полчаса за вами приедут. Можете взять с собой жену, если хотите.

Через час они стояли во дворе шикарного особняка и тупо вглядывались в лицо человека, который пытался им рассказать о доме как можно больше.

— Я не совсем понимаю, для чего вы нам все это говорите? — не выдержала, наконец, Маша.

— Как зачем? Мне сказали, что сейчас сюда придут новые хозяева и чтобы я им все показал, — немного растерянно ответил молодой менеджер риэлтерской компании.

То-то и оно, милые мои. И такие «ремонт» бывают. Трех-

этажный особняк с большим двором, садом и бассейном. Тут даже собачья будка выглядела как домик для гостей. У Маши глаза буквально вылезли из орбит. Максим пребывал в состоянии шока. Ему надо было срочно выпить, он даже знал, кто сегодня кто сегодня составит ему компанию.

Маша пришли в себя только после третьей рюмки коньяка. Максим пил водку и слушал, как жена боготворит Аркадия и даже хвалит мужа — его, Максима.

В дом переехали сразу. Сразу начали и обустриваться. Они перевезли в новое жилище всю технику, подаренную Аркадием, а из старья решили ничего с собой не брать. Правда, Максим прихватил сломанную «Вятку» из подвала — сам толком не зная, зачем.

Дом Максима был теперь лучше, чем дома всех его начальников вместе взятых. Поэтому, когда он уже на второй день пригласил старых друзей, Маша пришла в ярость.

— Не хочу впредь видеть эту рвань в моем доме. Их место — баркас.

— Я вижу, ты совсем из ума выжила, мать, забылась, уже моих друзей не признаешь.

— Приглашай лучше свое начальство, директора порта пригласи. Связи налаживай, дурак ты этакий.

— А на кой мне эти связи?

— Всю жизнь водилой работать собираешься?

— Нет, не собираюсь. Придумаю что-нибудь.

— Когда? Долго я еще буду ходить в женах шоферюги?

— Ты, Маша, в последнее время сильно изменилась. Раньше у тебя аппетит был куда скромней.

— Всё меняется со временем, все меняются, я не исключение.

— Ну-ну, — сказал Максим.

Переезд оказал на Машу пагубное влияние. Она обзавелась новыми подругами из «высшего» круга. Жена директора рынка, любовница хозяина фитнес клуба, сестра главного бухгалтера городской администрации — все они были в восторге от ее дома. Но некоторых вещей они не понимали. Как бы Маша не выделя-

валась, существовал явный дисбаланс между доходом ее семьи и наличием роскошного особняка. К тому же она не умела соответствовать ему. Новые знакомые Маши не понимали, как можно жить в таком доме и носить одежду, купленную на распродаже в порту, не иметь собственного автомобиля, не говоря уже о личном водителе. Для них оставалось абсолютной тайной, как она накрывает на стол, если в доме нет прислуги.

Жить на такой шикарной вилле и экономить на электричестве, иметь большой двор с шатром, эстрадой и местом для барбекю и шашлыков и не устраивать при этом банкетов — все эти противоречия угнетали Машу. Она проела плешь мужу, чтобы тот пошел к начальнику и попросил повышения. Ей хотелось шиковать, пожить госпожой, ведь аппетит, как говорится, приходит во время еды. Невыносимо видеть, что муж возвращается с работы не на шикарной машине с водителем, а на маршрутке, по его просьбе останавливающейся прямо перед аллеей недалеко от их особняка. Все правильно, дорогая Маша, богато жить не запретишь, но и не заставишь.

Первая же просьба Максима перевести его в другой отдел не осталось без внимания начальства. Его выслушали, похлопали по плечу и... уволили. Вернувшись домой, он с нескрываемой злостью завил:

— Можешь успокоиться, я больше не работаю в муниципалитете, меня уволили по твоей милости. Кому нужны наглые водители?

— Лучше спроси, кому нужны глупые водители? Не понимаю, как они до сих пор тебя держали. Опять будешь без денег слоняться. Ничего, тебе не привыкать.

А деньги нужны были позарез, хотя бы для того, чтобы содержать этот дом. Максим погрузился в процесс поиска работы. На это раз все было куда сложнее. Во-первых, он не знал, какую именно работу искать. Во-вторых, снова за баранку не хотелось, становиться к станку на заводе не хотелось еще больше, а никакой другой профессии или хотя бы навыков у него не было.

Безработица — ближайшая подруга бедности. Где бедность,

там безработица. И наоборот. Как распутная женщина, безработица окручивает бедняка на долгие годы, а иногда даже навсегда. Жить без работы — а значит, без денег — превращается в привычку. Безработица — пиявка, самый верный спутник бедных людей.

Маша тоже начала самостоятельные поиски работы — для мужа. Самой работать было не в кайф, а вот мужа заставить — святое дело. Все новые подружки, разумеется, пообещали найти достойное занятия для ее половины, но очень скоро Маша убедилась в неискренности их обещаний. Шли недели, работы все не было. Зато появились долги, и увеличивались они в математической прогрессии, порождая множество проблем, вселяя все больше дискомфорта в их жизнь.

В конце концов, Маша не выдержала. Будучи реалисткой, она понимала, что без посторонней помощи не обойтись. Нужен был сильный толчок, импульс — для начала. Потом она сама что-нибудь придумает. Будучи специалистом по закатыванию истерик, сцен и «побоищ», она стала готовиться к очередному спектаклю. Тучи над головой Максима сгущались. Однажды вечером, когда он вошел в дом, Маша спросила тоном, не предвещавшим ничего хорошего:

- Ты где шлялся?
- В порту был.
- Чтоб тебя там, в порту, и похоронили. А твоих друзей-алкашей — рядом.
- Не начинай, Маша. Что опять стряслось?
- Ничего. Все шикарно. Живем как олигархи. Денег навалом, проблем еще больше, чего еще желать?
- Ты чего от меня хочешь? Чтоб я воровать пошел?
- Кишка у тебя тонка для воровства. Я сейчас о другом.
- Ну да. Предлагаешь позвонить Аркадию?
- Предлагают постель, мой милый. А я — требую.
- «Нет ничего пагубнее женщины» (Гомер).
- «Пагубнее женщины — только моя жена» (Максим).
- Ему казалось, что Машей движет неумолимое желание,

во что бы то ни стало рассчитаться с Аркадием. Будто бы муж оставил у него нечто очень ценное, и она теперь вправе требовать взамен что вздумается. Хотя Маша утверждала, что единственная причина ее настойчивости — обеспечить себе и мужу достойную жизнь. И что другого выхода у них будто бы нет.

Максим чувствовал, что сегодняшний разговор с Аркадием будет отличаться от предыдущих двух. Более того, Архангельского теперь преследовала настойчивая мысль, что и этот разговор не будет последним. Маша не отстанет. Перечить ей невозможно, разговаривать бесполезно. Значит, придется звонить. В очередной раз. И снова с просьбой. О господи, за что?

— Я узнал вас, дорогой Максим, — сказал голос в трубке. — У вас все хорошо? Дом вам нравится?

— Конечно. Дом королевский. Спасибо. Вы меня простите, ради Бога, я бы к вам не стал так часто обращаться, на самом деле я бы никогда не позвонил, если бы не жена.

— И чего ей понадобилось на сей раз?

— Работа.

— Она хочет работать?

— Нет, не совсем. Она хочет, чтобы я работал, и не просто протирал штаны, а зарабатывал много. Делал большие деньги.

— В таком случае пусть она определится. Чего именно она хочет? Чтобы ты зарабатывал? Или именно делал большие деньги?

— А это разве не одно и то же? — удивился Максим.

На этот раз Аркадий прервал его резко:

— Нет, мой друг, конечно же, нет. Так чего она хочет? Хорошей заработной платы или больших денег?

— Зарплаты, думаю.

— Я понял. Жди. Тебя найдут.

Маше стоило больших усилий, чтобы не вмешаться в разговор.

— Что он сказал? — спросила она громким голосом, как только Максим закончил.

— Сказал, ждать. Меня найдут.

— Это я поняла, придурок. Меня интересует, что он сказал про твою работу. И что у вас за дискуссия была про большие деньги и зарплату?

— Маша, тебя что больше заводит — большие деньги или заработная плата?

— Большие деньги в виде заработной платы.

На этот раз позвонили в тот же вечер и попросили быть в Управе в десять утра. На следующий день, ровно в десять, Максим вошел в приемную главы Управы. Секретарша, видимо, была в курсе и тут же доложила начальнику о прибытии Архангельского. В приемной было много ожидающих аудиенции, однако Максима приняли без очереди.

Немолодой уже человек поднялся из-за стола, подошел к еще стоящему у порога Максиму, пожал ему руку и любезно подвел к креслу. Потом предложил ему чего-нибудь выпить, и только после этого перешел к делу. От него Максим узнал, что вчера звонили из Москвы из очень весомой организации и, можно сказать, назначили Архангельского его заместителем. «Ничего себе, — подумал Максим, — вот так новость для Маши. Она теперь и здороваться с людьми перестанет. Ничего себе». Других слов Максим просто не находил. Думал то, что привык думать. Все было как во сне — и назначение, и небольшой, но уютный кабинетик, и заявление на работу, и подписание должностных обязанностей. Он не верил своим глазам, когда видел фирменный бланк управы, где было написано: «Архангельский Максим Павлович, заместитель главы управы». А напротив должности — круг вопросов, которые он будет курировать: «Содержание и эксплуатация жилищно-коммунального хозяйства, благоустройство территории, капитальное строительство, землепользование, взаимодействие с ГСК и АСК. Транспорт. Связь».

Да, старик, блестящее начало карьеры. Аркадий в очередной раз сдержал свое слово и был на высоте. Максима теперь не покидала мысль — кто же он такой, этот Аркадий? Чем занимается? Откуда такое влияние? Он был богат, как успешный бизнесмен, и влиятелен, как Президент. Загадка, да и только.

А вот кого точно не мучили подобные вопросы, так это Машу. Она была на седьмом небе от счастья. Маша уже предвкушала новую жизнь, наслаждалась одной только мыслью об этом. Вопросы, которые собирался курировать муж, предполагали такие заработки, что ей и не снилось. Новая должность — это хорошие связи и солидное положение в обществе. Еще она заметила странную деталь во всей этой, по ее мнению, умопомрачительной истории. В глазах людей своего сословия Маша видела трудно скрываемое удивление, а новые знакомые — из так называемой «элиты» — воспринимали изменения в их жизни как нечто обыкновенное. У нее складывалось ощущение, что приближенные к власти знали, откуда ноги растут, — возможно, потому, что владели большей информацией. «Надеюсь, мой крендель разберется во всей этой кухне. Чем лучше он освоит все тонкости работы, тем больше будет зарабатывать, — думала Маша, стараясь сама себя успокоить. — Ничего такого сверхъестественного в работе заместителя главы управы нет. Это тебе не ракеты в космос запускать. Тихо-тихо все изучит и наконец, начнет хорошо зарабатывать».

В устах женщин выражение «хорошо зарабатывать» приобретает волшебные свойства. Никто не знает, сколько муж должен приносить домой денег, чтобы жене было хорошо. Понятно, что зарабатывать «хорошо» лучше, чем «удовлетворительно», но хуже, чем «отлично». Мужья могут быть банкирами, могут лес рубить, лечить или преподавать — лишь бы «зарабатывали хорошо».

И зажили Архангельские совсем другой жизнью. Максим довольно быстро обучился ремеслу взяточника, приобрел навыки руководителя. Деньги потекли ручьем. Каждая подпись, поставленная бывшим безработным, превращалась в очередную порцию материального и морального удовлетворения.

Старые друзья заходили все реже. Не то чтобы Максим забыл про них, наоборот — одно время он даже собирался устроить их на работу к себе, но Маша высказалась категорически против. Времени не хватало на друзей. Максим был либо на работе,

либо в спа салоне, либо на деловом ужине. Или еще на какой-нибудь тусовке. Слово забавное, но зато объемное и выразительное. Не надо перечислять всевозможные заведения, куда человек ходит, не обязательно останавливаться подробно на том, что человек делает в этих заведениях. Достаточно сказать «он на тусовке» или «я сегодня тусовался весь день» — и все становится ясно.

Круг общения нашего героя менялся день ото дня, и уровень тусовок зашкаливал в том же темпе и порядке.

Максим словно был рожден для руководящей работы. Рука так и норовила брать, горло — кричать, тело — не работать. Маша же распоясалась вовсю. Полностью позабыв о том, что она все-таки жена госслужащего, а не олигарха, Маша становилась vip клиентом многих дорогих бутиков, ювелирных салонов, салонов красоты. Она покупала и дарила дорогие вещи, без конца обустривала квартиру, приглашала на светские вечеринки. У Маши появилось много новых подруг, тоже жены состоятельных господ. Надо было идти в ногу с ними, держать марку — так сказать, соответствовать статусу. Ей все время не хватало денег, она требовала их от мужа все больше и больше. А Максим, войдя во вкус, рискуя своей свободой, проворачивал не совсем законные сделки одну за другой, злоупотреблял должностным положением, шиковал.

Хотя какой такой «статус» у чиновника средненького звена и тем более у его жены? Они от невежества придумали себе регалии, вознеслись на трон, возомнили себя аристократами. Мало, кто способен устоять перед потоком денег. Многие спотыкаются, многие долго не выдерживают. Максиму открыли лишь небольшой «краник», откуда тонкой струей просачивались деньги, а он уже потерял равновесие. О таких обычно говорят «забылся».

Все шло на первый взгляд замечательно. Росло благосостояние семьи. Однако вместе с ним росло и число завистников. Коллеги по работе недолюбливали Максима, считая его выскочкой и «не своим» человеком. Они полагали, что на него, как и на всех тех, кого назначают «сверху», нельзя положиться. Самому Архан-

гельскому от такого отношения коллег было ни холодно, ни жарко. Он уверенно чувствовал себя под непротекаемой «крышей» Аркадия. А руководство любило Максима за «продуктивность».

Все так и шло бы как по маслу — если бы не одно «но». Всегда это «но», людям от него некуда деться. Оно как тень после полудня, как штурман возле водителя. Оно всегда рядом. Когда все хорошо, это «но» обязательно вылезет — такое большое и смачное. «Но» присутствовало и в жизни Максима Архангельского, у него было даже свое имя — Маша. С голодными глазами и жадным на деньги характером. Правильно говорят, что чем больше денег, тем больше их и не хватает, тем жаднее становится человек.

— Слушай, Архангельский, — завела она как-то утром разговор. — А тебе не кажется, что ты перерос свою должность, засиделся на мелкой работе?

— Ты, старуха, совсем совесть потеряла. Грех жаловаться на нашу жизнь, — ответил Максим, еще не понимая, куда клонит жена.

Он допивал свой утренний кофе и собирался на работу. Утром предстояло важное собрание, комиссия «сверху» нагрянула.

— Даже должность на тебя не подействовала, каким дураком был, таким и остался. Расти надо, а то затопчут тебя.

— Кто это меня топтать посмеет? Меня вон, какой человек протезирует.

— Какой? Какой человек? Ты его знаешь? Только раз в глаза видел, да и то голого. Мало ли что завтра может случиться. Надо ловить момент, пока есть возможность, денег побольше надо для полной уверенности.

— Дура ты старая, полной уверенности нет ни у кого в этой жизни. Как же тебе вдолбить это?

— Лишние деньги никому не помешают, а для этого нужно крепко стоять на ногах. Тебе необходимо повышение.

— Ничего мне не нужно. Эту бы работу не потерять.

— Не спорь со мной. Ты должен получить новую должность.

Слушай меня.

— Я тебя уже раз послушал и добился увольнения. Хватит.

— Что? Да если бы ты меня не слушался, так до сих пор мешки выгружал с грузовых посудин, и ничего этого у нас не было бы! — разведя широко руки, выкрикнула Маша.

— Замолчи, ради Бога, а то башка с утра начнет болеть, а мне еще весь день с комиссией нервы трепать.

— Вот чтобы комиссий всяких не бояться, надо сидеть высоко.

— Как высоко ни сиди, комиссий и проверок не избежать, деревня ты непроходимая.

— Макс, не делай вид, что не понимаешь, чего я хочу, и не выводи меня из себя. Ничего не знаю, мне надоело жить в этой дыре. Хочу еще один домик за границей, хочу машину себе спортивную. Таких «хочу» еще великое множество, а денег у тебя на все не хватит. Будешь больше брать — повяжут. До конца жизни срок тебе светит за такие суммы, так что выход у тебя один. Занять другую должность, чтобы тебе приносили все управы, предприятия, фирмы и все такое.

— Мэром города стать? — вытаращил на нее глаза Максим.

Маша одобрительно закивала.

— Тебе лечиться надо, Маша. — Максим понизил голос. — Ты даже представить себе не можешь, сколько такая должность стоит.

Говорить шепотом, получать конверты через третьих лиц и еще несколькими подобными трюками Архангельский обучился быстро. С инстинктом самосохранения у чиновников все в порядке.

— А почему бы и нет? Этот старикашка скоро концы отдаст, а все еще на троне восседает. Пора ему на пенсию.

— Кто его туда отправит? У мэра все схвачено там, — все тем же тихим голосом сказал Максим, указав пальцем куда-то в небо.

— Нет у него там никого. Я все узнала от жены твоего начальника. Мэр держится на своем авторитете и на старых связях.

Многие его покровители уже давно на пенсии. Нет их, ясно? Так что нельзя медлить. На это место много взоров направлено, ты понимаешь, о чем я?

— Не понимаю и понимать не хочу! — Максим, конечно, догадывался, о чем речь, однако всячески пытался отогнать эту мысль от себя.

— Вот и умница, дошло, наконец. Слава тебе, Господи. Шустро вы сообразили на этот раз, господин Архангельский, обычно я тратила гораздо больше времени для разъяснений.

— Маша, не смей даже думать об этом. Я скорей уволюсь, чем...

— Не получится ничего у тебя, мой милый. Ты уже повязан по полной, ты в теме.

— В какой еще теме, ты о чем, Маша?

— Я о том, чиновник, что клюв твой дотронулся до казны. Обратной дороги нет, ты уже не сможешь жить как раньше. И к тому же ты немало знаешь, потому и уязвим.

— Для кого, ты о чем? Обалдела, старая?

— На пятки тебе уже наступают, неужели не понятно? На черный день денег нужно поднакопить, а с нашими расходами у нас это плохо получается.

— Ты хотела сказать, с твоими расходами. Ты тратишь, как жена Рокфеллера.

— Как тратила жена Рокфеллера, я не знаю, а как тратит семья мэра — знают все.

— Маша, давай мы с тобой договоримся. Я работаю в этой должности, пока не снимут или что еще не произойдет, и мы параллельно думаем о своем бизнесе. Откроем магазинчик или мойку. Сеть моек можно открыть. Как тебе такая идея, а?

— Да, как говорится, «девушка из деревни может уехать, а деревня из девушки — никогда».

— Не надо так о себе, Маша.

— Это я к тому, что плебейство из тебя вытряхнется лет через сорок. Только ты вряд ли проживешь столько. Не видать тебе, мой милый, себя аристократом. Какая мойка? Ты издеваешься? Все

эти грошовые занятия оставь для своих дружков. Надо по-крупному думать. Мне надоело, ничего не знаю и не хочу слышать. Сегодня же позвони Аркадию. Ты имеешь полное моральное право просить — нет, требовать! Требовать у него лучшей жизни для себя.

Ему казалось, что голос Маши будет звенеть в ушах до конца дня. На протяжении всего собрания Максим думал о разговоре с женой. От одной только мысли о ее новом требовании у него волосы становились дыбом, усы веером, хвост торчком. Нет, конечно, внешность у него была вполне обычная, не подумайте чего. Это я так пытаюсь подбодрить Максима, а то у него нервы начали сдавать.

На собрании глава управы его покритиковал в показательных целях. Комиссия нашла кучу недоработок и мелких нарушений в работе Максима. Ему пригрозили выговором с занесением в личное дело. А вдобавок ко всем «приятностям» вчера он оставил на столе свои дорогие швейцарские часы. На комментарии и намеки членов комиссии, нашедших часы, Архангельский начал оправдываться, объяснять происхождение часов и вконец все испортил. Вернулся домой Максим поздно, в подавленном состоянии, глаза покраснели от нервов и усталости. Вид его слегка напугал даже Машу. «Утро вечера мудренее», — подумала она и не стала ничего говорить. И правильно сделала, ибо с утра Максима долго уговаривать не пришлось. Напуганный до смерти, он не знал, что делать, как себя дальше вести? Будто другой человек делал его работу все это время, будто с момента его назначения и до сегодняшнего дня он видел волшебный сон. А сегодня открылась пугающая своей неизвестностью реальность.

Утро Максим начал с зарядки. Давно он не занимался своим здоровьем и теперь решил вспомнить о самом главном в этой жизни. Маша тем временем приготовила завтрак и ждала мужа. Прислуги у них не было, Максим категорически был против: боялся сплетен и всякого рода разговоров в свой адрес. Кушать абсолютно не хотелось, но выработанный годами инстинкт привел его на кухню, где он так и ел все это время, не изменяя при-

вычке. В холодных гостиных залах он не мог наслаждаться едой в полной мере.

— Завтракать будешь? — поинтересовалась Маша, выбирая момент для начала разговора.

— Не буду, нет аппетита.

— Что-то случилось? Неприятности на работе?

— Да. И весьма серьезные. Кажется, я допрыгался.

— Доскромничался, скорее всего. Кто наезжает? Первый?

— И он тоже. Комиссия у нас, проверяет контору вдоль и поперек.

— А ты тут при чем? Пусть первый и отвечает. Тебе больше всех надо?

— Ты не понимаешь или прикидываешься? Как это «я при чем»? Я при том, еще как при том. И при том, и при этом, и при третьем. Очень мало найдется документов, где нет моей подписи.

— А денежки-то мимо тебя текли, все в «резервуары» главы.

— Я тоже прилично получал.

— Недостаточно, чтобы отвечать за всю контору.

— Во-первых, не за всю контору, а за свои дела, а во-вторых, твое мнение они спрашивать не будут.

— А в-третьих, не упрямясь. Звони Аркадию, а то крышка тебе.

— Не буду. Посмотрим. Может, сам все улажу.

— Затянешь со звонком — потом будет поздно. Аркадий тебе не Президент.

— Ладно, ладно, отстань уже. Без тебя тошно.

— Не хамя и шевели извилинами, если они у тебя есть, конечно.

Как вы сами догадались, уважаемые мои, единственной надеждой на спасение нашего с вами героя снова оказался Аркадий. Не зная ни его фамилии, ни должности, ни статуса, ни даже адреса — ничего вообще о нем не зная, Архангельский, тем не менее, готов был обращаться к Аркадию вновь и вновь. Хотя и не укладывалось в голове то обстоятельство, что попытки раз-
узнать хоть что-то об этом человеке терпели фиаско, все усилия

оставались безрезультатными. Максиму не суждено было вновь встретиться с ним, он это прекрасно сознавал — и, может, именно такое положение вещей придавало ему большей уверенности. Архангельский вдруг поймал себя на мысли, что от былой застенчивости и боязни звонить Аркадию мало что осталось. После вчерашних событий его тревожил только страх потерять все. И свободу в том числе. Накопленное в период чиновничьей работы чувство страха служило сильным стимулятором. Набрав привычные цифры на телефоне, Максим замер в ожидании ответа. Абонент не спешил отвечать. У Максима екнуло сердце, каждая секунда казалась ему веком.

— Алло, слушаю вас, — прозвучало, наконец, в трубке.

— Здравствуйте, Аркадий. Я даже не знаю вашего отчества, чтобы обращаться, как полагается.

— Не вижу никаких проблем, Максим. Как ты? Как на новой должности? Я слышал, ты делаешь большие успехи.

Максим побледнел, язык стал заплетаться.

— В каком смы... смысле? Что я сделал такого?

— Тебе лучше знать. Денег хватает?

— О да. Спасибо вам огромное. Все просто замечательно... для меня.

— А жена снова недовольна? Что на это раз?

— Вы простите и меня, и ее, она совсем из ума выжила. Какая-то напасть, в азарт вошла. В этих кругах все так живут. Наперегонки друг с другом. Чье лучше и дороже.

— Ты теперь один из них. Чего ей не хватает?

— В том-то и дело, что не из «них» я пока. Жена говорит, должность у меня мелковатая. Я сам понимаю, что слишком уязвим. Подставить могут меня, как пить дать. Боюсь я, а жена покоя не дает. Надо что-то предпринять, а иначе Маша меня в могилу загонит. Она стала невозможной. Превратилась в сухую стерву.

— А была доброй феей? — с сарказмом спросил Аркадий.

— Да нет, она всю жизнь меня доставала.

— Так разведись.

— Да куда уж теперь. Мы как-то привыкли друг другу. Я ей

и не изменял никогда.

— Ну и глупец, прости за грубость. Ладно, я все понял. Не переживай, я твой должник, не забыл? Тебя найдут.

И нашли. Мигом нашли, в тот же день.

Мэром не избрали, но назначили префектом Центрального и самого большого административного округа, в состав которого входило девять районов. Девять глав управы, в том числе и бывший начальник, подчинялись теперь Архангельскому М. А.

Человек из низов, он прекрасно разбирался в проблемах рядовых граждан и хорошо знал работу подведомственных ему людей. Народ его полюбил сразу. Для удобства жителей района к традиционному приемному дню — среде — он добавил субботу и продлил время приема. Людей Максим понимал с полуслова: сам когда-то не знал, где деньги достать на пропитание. Он многим помогал, а остальные просто оставались довольны тем, что их принял и выслушал сам префект, задушевно с ним поговорил. И укреплялись во мнении, что он мировой мужик.

Не забывая о своих прямых обязанностях, новый префект всерьез увлекся землей. Точнее, ее распределением. Занятие оказалось увлекательным и весьма прибыльным. Земля-кормилица всегда приходила на помощь человеку, веками люди ее пахали, строили на ней и неустанно воевали за нее. И во все времена находились те, кто умудрялся заниматься земельной торговлей.

Современные российские дельцы, распределяющие земли — это чиновники. Потом уже всевозможные коммерческие структуры продают и перепродают эти участки, но изначально первого хозяина определяют люди, восседающие в должностных креслах.

Вкус больших денег. Какой он, сладкий или горький, с привкусом шика или горечи? Люди жаждут ощутить этот чарующий, местами хрустящий и такой соблазнительный вкус. Мало кто задумывается о том, каковы будут последствия. Как отразится на них присутствие больших денег в их доме, машине, в офисе или на даче. Ведь потом люди уже не смогут жить иначе, изменится их мировоззрение, в голове что-то перевернется и процесс

станет необратимым. Большие деньги могут помочь, облагородить, вылечить, спасти жизнь. Но могут и испортить или убить человека.

Работа и дом, жизнь от зарплаты до зарплаты является своеобразной формой заточения. Люди приговорены трудиться. Кто во благо Родины, кто на какого-то дядю, а некоторые и на себя. Неработающих людей называют тунеядцами. Нет? Я ошибся? Ах да, извините. Таких людей еще называют безработными. И те, и другие сидят без денег? Не факт. И тем, и другим нужна работа? Еще большая ерунда. Точно лишь одно: деньги нужны и тем, и другим. Отсюда аферы, кражи, всевозможные пособия по безработице, долги. Кстати, долги служат хорошим стимулом трудиться. Особенно когда их пытаются выбивать — поневоле пойдешь пахать. Хоть на Родину, хоть на себя, хоть на самого дьявола.

Богатеющий человек трансформируется в другую личность доллар за долларом, бриллиант за бриллиантом, домик за домиком. Вчерашние заботы кажутся пустяковыми, позавчерашние покупки — дешевыми, давние поступки — постыдными.

Как типичная жена чиновника, Маша разом превратилась в умницу и красавицу, в этакую леди с аристократичным прошлым. Многие жены чиновников даже не допускают мысль о том, что их мужьям нельзя доверять и газетный киоск, потому что они его благополучно развалят в считанные дни. Как им вдолбить, что каста людей с бюрократическим складом ума ничего не создает, что ей не дано понять, что значит начать с нуля, вложив в дело деньги, вырученные от продажи отцовского дома или драгоценностей жены? Чиновники не осознают все те переживания деловых людей, которые, рискуя прогореть, все же вкладывают собственные средства в экономику страны. Для большинства чиновников и их жен не существует понятия прибыли, размера заработной платы, зато они прекрасно понимают, что такое взятка и каких размеров она может достигать.

В такого вот чиновника рисковал теперь превратиться и Максим Архангельский. Из грязи в князи — предначертанная

траектория подъема большинства его коллег и его в частности. Выражаясь шахматным языком, люди в креслах находятся в состоянии бесконечного цейтнота. Постоянная нехватка времени или, скорее, опасность, что уже завтра власть может ускользнуть, как вода сквозь пальцы, превращает их в зомби, запрограммированных на команду «дай».

Мы живем с этим, взятки превратились в норму, в обыденность. Почти все мы давали взятку. Некоторые, а может, и многие, взятки брали. Нас так учили. Всякий труд должен оплачиваться. Тем более такой, как выдача справки не на следующей неделе, а через пятнадцать минут — тяжелый, я бы сказал, непосильный труд. Что же говорить тогда о получении разрешения на вступление в права собственности на землю? Вы представляете, каких колоссальных усилий стоит это лицу, подписывающему постановление? Вот почему наш герой приходит домой за полночь совершенно выбитый из сил и спит как убитый. Напряжение мозгов, господа — вот основная причина хронической усталости Максима Архангельского. Машу физическое состояние мужа мало интересовало, тем более что нехватки в молодых любовниках она не испытывала. Ее больше волновал вопрос наличия достаточного количества земельных участков в центре города и на прилегающих к нему территориях.

В последнее время муж часто жаловался на нехватку полномочий. Он сетовал на то, что самые важные вопросы надо решать с мэром, который и получает львиную долю от всех более или менее серьезных сделок.

Делиться не всем приятно, а для Маши и вовсе неприемлемо. Хотя делиться надо. Половину успеха во всех делах составляет именно умение делиться. С начальником, с коллегами, с партнерами, просто с малоимущими людьми в виде пожертвований — есть множество вариантов добровольной уступки части своего дохода.

В одно прекрасное весеннее утро, когда больше всего хочется, ничего не делая, просто вдыхать воздух, пропитанный запахом цветущей природы, Максим встретился со своей зазнойбой-

женой в беседке в саду. У Маши был вид обманутой пайщицы финансовой пирамиды.

— Я знаю, что тебе надо предпринять, — произнесла она с видом старейшины племени.

— Я тоже знаю.

— Неужели? Не поделишься?

— Поделюсь, конечно. Мне просто необходимо окунуться разок-другой в бассейн. Ты со мной?

— Амфибия ты Средиземноморская. Я с тобой только на официальных мероприятиях, а все остальное время ты с своей секретуткой.

— С кем? У нас нет такой штатной единицы.

— Архангельский, не выводи меня из себя. Мне абсолютно безразличны твои похождения и безразличны твои доходы.

— Наши доходы, я так понимаю.

— Правильно понимаешь. Для того чтобы ты спокойно делал свои дела, у тебя должны быть развязаны руки, а они у тебя связаны мэрмом.

— Маша, люди с возрастом становятся мудрее, а ты, наоборот, деградируешь на глазах. Сколько раз тебе повторять, что наш мэр твердо стоит на ногах, у него в Москве есть серьезные покровители.

— Ты мне это уже говорил не раз. Так вот, милый, пока ты тут протирал штаны о свою секретаршу, я навела справки, как раз в Москве. Нашему старику ищут замену, но кандидатуру пока еще не выбрали. Помнишь Ленку, что гостила у нас этим летом?

— Елену Викторовну из управления делами Президента?

— Совершенно верно. Я ждала от нее сигнала. Так вот, она сегодня утром позвонила и дала отмашку.

— Маша, я очень надеюсь, что про Аркадия ты ей ничего не говорила.

— Я не глупая. Но мне кажется, там у них все про всех знают.

— Это не важно, главное, чтобы мы не проговорились. Точнее, ты.

— Обо мне можешь не беспокоиться. Смотри, своим друзьям

по пьяни не проболтайся.

— Если уж твоя Ленка такая информированная и входящая в высшие круги, то пусть посодействует, а мы ее отблагодарим по полной программе.

— Нет, мой родной. Не в ее силах решать такие задачки. У нас есть наш душка Аркадий. К нему-то мы и должны обратиться.

— Даже под дулом пистолета я этого не сделаю.

— Договорились, сегодня вечером проверим. Будет тебе дуло в висок.

— Какое еще дуло?

— У меня такой компроматик есть, что если его обнародовать, тебе будет не до веселья. А если прибавить сюда еще и мой иск в суд, то вообще без штанов останетесь, Максим Андреевич.

— Ты меня шантажируешь?

— Предупреждаю. Ради твоего же блага.

— Маша, ты сделаешь еще хуже. Не видать мне этой должно-сти. Я думаю, что даже Аркадию это не под силу.

— А я считаю иначе. Ему под силу намного больше, если ты его до сих пор вычислить не можешь. Короче, Архангельский. Меня ждут в сра салоне, я убегаю. Сегодня приходи пораньше, нам предстоит очередной судьбоносный звоночек.

«Очередной, — подумал Максим. — Значит, не последний? Боже мой, за что?»

Решив посидеть один, выпить, подумать и выработать стратегию поведения на завтра, вечером Максим направился в свой любимый ресторан. Прошло два часа. Он не придумал ничего лучшего, чем сказать жене, что позвонил Аркадию, а тот отказал. Сказал, мол, хватит, не наглейте, я уже сделал больше, чем мог. Не звоните, и точка. Если выгорит и Маша поверит, он навсегда освободится от этой пытки. Была, конечно же, одна опасность. Та, что Маша не поверит, возьмет и перезвонит сама. Как бы то ни было, другие стоящие мысли Архангельского не посещали. И он решил разыграть все по задуманному сценарию.

На следующий день после завтрака Максим не стал, как все-

гда, торопиться на работу. Он ждал очередного выпада жены, чтобы закончить с этим раз и навсегда. То обстоятельство, что Маша — женщина, и женщина коварная, не было принято к сведению. И, как потом выяснилось, зря.

— Пока ты не слинял в свою префектуру, достань мобильник, — воинственным тоном произнесла Маша.

— И запустить в тебя? С удовольствием. Никуда я звонить не собираюсь.

— Да? Самое безобидное из тех фото, что у меня есть, это где вы под ручку с дамочкой выходите из ресторана. Показать, господин Архангельский?

— Ну ладно, ладно, — уступчиво сказал Максим. — Я все-таки позвоню ему. А знаешь, почему? Не потому, что я испугался твоего блефа, а потому что до сих пор во всем, что касается Аркадия, ты не ошибалась. Может, и на этот раз тебе повезет.

— Во-первых, не мне, а нам, лох ты старый, а во-вторых, с чего бы ему тебе отказывать? Он тебе все еще должен.

— Ну, сейчас мы это проверим. Сейчас, поднимусь к себе и позвоню.

— Ладно, — легко согласилась, было, Маша, но, как только Максим сделал несколько шагов к лестнице, вдруг остановила его: — Нет, стоп. Звони при мне. Что-то твой настрой мне не нравится. Лучше я буду рядом и стану подсказывать, если ваш разговор потечет не так.

— Не могу, Маша. Унижаться лучше без свидетелей. Мы так делали всегда и не прогадали. Я быстро, а ты держи за меня кулак.

— Никуда ты не пойдешь, я сказала. Позвонишь при мне.

Хитрый план рушился. Надо было срочно исправлять положение, но в голову ничего не лезло. Максим, немного замешкавшись, хотел начать рассуждать про суеверия, что нельзя нарушать традиции, а то не получится осуществить задуманное, но Маша оказалась проворнее и, быстренько набрав номер Аркадия, прижала телефон к его уху. Излюбленный ход женщин. Ведь Маша, несмотря ни на что, все же женщина.

— Алло, слушаю вас, — раздался в трубке голос Аркадия.

Было такое ощущение, что он все время находится в состоянии готовности и смотрит на свой мобильник, в надежде, что позвонит Максим.

— Здравствуйте, Аркадий.

— А, Архангельский. Здравствуй, здравствуй. Как поживаешь, мой друг? — Аркадий впервые назвал его по фамилии.

Такое обстоятельство немного насторожило Максима, хотя он так сразу не мог определить, хорошо это или плохо.

— Все хорошо, спасибо. Вы как? Как здоровье? На работе, в семье порядок?

— Спасибо, Максим, у меня все нормально. А вот у тебя, по всей видимости, есть проблемы?

— Если только с женой. Ну и на работе не очень.

— Что не так? Тебя кто-то обижает? Не поверю. Если бы ты знал, из какого учреждения звонили насчет тебя.

— Из какого?

— Много будешь знать — жена скоро состариться.

— Да уж поскорей бы.

Аркадий засмеялся все тем же звонким голосом — видимо, желание Максима показалось ему забавным. Но Архангельскому было не до шуток. Маша стояла перед ним, сжав кулак, показывая всем своим видом, что, независимо от его результатов разговора, этот кулак встретиться с его башкой. Во второй руке она держала какой-то конверт для фотографий.

— Помогите, Аркадий, прошу Вас. Сделайте так, чтобы в этом городе меня никто не мог тронуть.

Аркадий даже немного опешил. Еще никогда Архангельский так не молил его о помощи.

— Помогу, помогу, дружище, ты только не нервничай. А что такое стряслось на твоей работе?

Максим изложил ему в подробностях обо всех своих делах, даже о тех, про которые говорят: «Это не телефонный разговор». Видимо, фанатичная вера в Аркадия не оставляла и тени сомнения в силе его власти и влияния.

— Да, я все понял, Максим. Все будет нормально. Жди. Тебя найдут.

В то утро к ним позвонил губернатор области лично. Он поздравил Максима Архангельского с победой на выборах мэра города.

Кабинет, секретаршу, персональный автомобиль с водителем ему обеспечили в один день. На следующий день после назначения Максим с женой проводили «терапию» шоппингом, завершил которую ужин в хорошем ресторане. Сложно было поверить в происходящее. После всего сделанного Маша не сомневалась в возможностях Аркадия. Когда требовала у мужа просить Аркадия посадить его в кресло мэра, она рассчитывала на очень хорошую должность в мэрии, не более, но никак не могла предположить, что и впрямь станет женой мэра города. Бывшая горепортниха, конечно, мечтала об этом, но одновременно и побаивалась такого поворота судьбы. Она была в шоке от возложенного на них доверия. Причем я не оговорился, сказав «на них». Маша собиралась принимать активное участие в управлении делами города. А как же иначе, ведь она и только она добилась этого назначения.

«Кто бы мог подумать! Я — мэр города. Какая ухмылка судьбы, какое испытание на прочность. Сколько событий, сколько искушений, сколько наблюдений ждет тебя в будущем. Отношений людей к тебе меняется прямо пропорционально твоей должности. Уже завтра вчерашние враги станут друзьями, завистники — врагами, только подхалимы не изменятся, ведь у них самые консервативные взгляды на жизнь. Я много слышал о влиянии случайностей на жизнь людей, но никогда не думал, что сам столкнусь с подобным. Предстоит четыре тяжелых, хоть и обеспеченных, года во главе города. Что особенно приятно — родного города». С такими раздумьями Максим Архангельский шел привычной дорогой в порт, к друзьям. Ему хотелось поделиться своей радостью, посидеть с ними как в старые добрые времена. О своем визите Максим никого не предупредил. Однако сюрприз не получился. Друзей он ни в баркасе, ни в порту

не нашел. Начал звонить к ним на мобильный. Бывает же такое — у всех трубки оказались выключены. «Хорошее выражение, Архангельский, — подумал он, выслушав очередной раз голос девушки из мобильника. — Прямо про тебя сказано. Это ты пребывал вне зоны доступа все это время, недоступный товарищ бюрократ. Ой, простите, я с вами на „ты“, господин мэр. Не велите казнить. Ты же не такой парень, Макс, встряхнись, одумайся. Что ты творишь, где твои друзья?»

Надо было немедленно разыскать их. Адреса он еще помнил, так что намеревался найти всех сегодня же. Он намеревался занять их чем-то серьезным. В конце концов, без верных старых друзей — никуда. Они опора в любом деле, на них можно положиться в любое время дня и ночи. Все новое — лучшее. Кроме старых друзей. И Максим направился к дому Альберта, который жил недалеко от порта, пешком минут пять. Дверь ему никто не открыл по причине отсутствия в доме кого бы то ни было. Второй дом, который Макс решил посетить, было жилище Николая. Он жил в центре города в трехкомнатной квартире, доставшийся ему от первой жены. Она ушла от него и вышла за богатого иностранца, а квартиру широким жестом оставила мужу. Но и его дома не оказалось. В третьей квартире Макса ждала удача. В доме Андрея он нашел всех своих друзей с семьями. За праздничным столом было шумно и весело. Друзья отмечали день рождения Аниточки, дочурки Андрея.

Давно Максим так не отрывался. Ему было легко и просто, он знал, что здесь ему рады. Последовав примеру друзей, он также отключил свой мобильный телефон, чтобы не мешал, много пил, говорил тосты. Новость о его назначении друзья восприняли с восторгом. Архангельский пообещал им хорошую работу и помощь в устройстве бизнеса. В самый разгар веселья Альберт предложил тост:

— Друзья, предлагаю выпить за будущий союз, за нашу мафию.

Присутствующие встретили это предложение криками «ура» и аплодисментами. Макс попытался возразить:

— Какая мафия, ты что, сдурел, Альберт? Я государственный служащий. Вот сейчас тебя кто-нибудь услышит — и мне хана.

— А что такого? Мафия — не обязательно преступная группировка. Между прочим, одним из переводов слова «мафия» является семья. А мы семья, правда, ребята? — поддержала Альберта мама изменницы и по совместительству жена Андрея.

— Ребята, а давайте поедem куда-нибудь отдыхать. Я уже не помню, когда мы выезжали все вместе, — предложил Николай.

— Давайте, давайте, — закричали все за столом.

— Предлагаю в Сочи поехать. Кто «за»? — подал идею Максим.

В этом состоянии он не до конца сознавал, что говорит. Как мэру большого портового города, человеку публичному, ему не следовало увлекаться поездками по стране. За границу можно. Однако окружающие встретили предложение Максима с восторгом.

Гулянка продолжалась до утра. Дети сопели в соседней комнате, а водитель Максима, о котором он вспомнил только, когда все собирались расходиться, спал в машине с включенной печкой.

Эта вечеринка послужила репетицией к основному банкету в честь назначения Архангельского в должность. На праздник съехалось почти пятьсот гостей. Тоже гуляли до утра, но на этот раз в хорошем загородном кабаке с волшебным названием «Перевоплощение». Маша лично составляла список приглашенных, добавив к друзьям мужа кучу незнакомых, но весьма влиятельных людей. Почти все приглашенные пришли, ибо личное знакомство с мэром еще никому не мешало. После банкета новый руководитель встретил выходной день со страшной головной болью, а еще через день начались мэровские будни.

Рутинное это дело — руководить городом. Целыми днями проводишь на собраниях, за подписаниями документов, решением не имеющих конца проблем. Есть, конечно, и свои плюсы — например, секретарша. Бывшая модель, она и сегодня дала бы на подиуме фору своим молоденьким коллегам. Ну и в семье

тоже — все у Архангельских теперь было в порядке. Маша привыкала к новой «должности». Бесконечные походы в спа и салоны красоты, бесконечные деловые ужины отнимали у нее много времени и были для Максима спасительной передышкой.

Друзья Архангельского в скором времени заняли ключевые позиции, обеспечивающие мэру контроль на важных участках работы и непрерывный поток капитала. Максим вступил на новую ступень нашего с вами расслоенного общества. Что ему готовит судьба, он не знал, но о намерениях жены догадывался. Как всегда, первые полгода она ходила довольная, но постепенно опять начала высказываться по разным вопросам. Вскоре на Максима должен был обрушиться шквал критики, а жизнь — стать невыносимой. До сих пор ситуация разряжалась звонком Аркадию. В глубине души Архангельский, конечно, надеялся, что больше обращений с просьбами не будет. Он учредил несколько коммерческих структур на имена своих друзей, бизнес шел в гору, жена не отказывала себе ни в чем, даже осуществила давнюю мечту — купила спортивную машину. Максим надеялся спокойно уйти на пенсию с должности мэра. Никакого дальнейшего продвижения по карьерной лестнице ему не хотелось.

Этот день выдался суетливым, если не сказать — сумасшедшим. С утра Маша погрузилась в хлопоты по случаю празднования юбилея мужа. Архангельскому исполнялось сорок пять. Самый дорогой ресторан города был арендован, приглашения разосланы. Маше казалось, что полдела сделано, но, как обычно бывает в таких случаях, чем ближе торжество, тем больше неожиданностей. Маша оказалась способной ученицей богатого сословия. Она приготовила мужу великолепный подарок — картину известного художника, которую приобрела на знаменитом европейском аукционе.

Вот такая интересная эта жизнь. Еще вчера страдал от нужды, а сегодня уже закатываешь пир на весь мир. Вчера не мог найти денег на лекарства, а сегодня оставляешь на чай официанту сумму больше его зарплаты. Фортуна ни про кого не забывает: кому серенады, кому траурные, а кому праздничные марши. Она, как

искусный концертмейстер, мастерски чередует свои «музыкальные произведения». И никому не позволит слушать одну и ту же мелодию всю жизнь. Фортуна бывает то строгой, то доброжелательной, делает людей то счастливыми, то несчастными, то везучими, то патологическими неудачниками. Такова жизнь, полная тревог, веселья, горя, успехов, доброты. Всю жизнь крутишься, вертишься, добиваешься, ждешь — и ничего от тебя не зависит. Этот «вечный двигатель» крутит земной шар, правит людскими жизнями, и остановить его в силах лишь Тот, кто его запустил.

Вечер удался на славу. Гости начали расходиться под утро, прощаясь с изрядно подвыпившим мэром и его абсолютно трезвой женой. Мужчины крепко жали ему руку, дамы целовали, слегка прикасаясь губами к щеке. Водители таскали через служебный выход подарки юбиляра в специально нанятый для этой цели микроавтобус. Маша разрывалась между гостями и мужем, но старалась больше находиться рядом с супругом, чтобы контролировать его поведение. Директор ресторана все еще находился на посту: слишком высокого уровня гости гуляли сегодня. Сам губернатор с женой, несколько высокопоставленных господ из Москвы, все прочее руководство города и области и еще многие и многие известные и важные люди оценивали в этот день работу заведения, которым он руководил.

Всю дорогу домой и еще некоторое время перед сном Маша раздумывала о сегодняшнем вечере. Она не раз мысленно перематывала, как диск с фильмом, всю вечеринку, вспоминала всех гостей — и больших «шишек», и примыкавших к ним «пешек». Сколько было лести, сколько лживых пожеланий. А сколько подхалимажа — просто тошно. Временами гости так увлекались, что забывали о юбиляре и восхваляли губернатора и его жену, возносили хвалу московским гостям, осчастливившим их своим присутствием. Формально Маша была первой леди этого праздника, но фактически.... На юбилее присутствовали жены прямых и косвенных боссов мужа. Это обстоятельство сильно задевало ее женское самолюбие. Машу сегодня поставили на место, приземлили, показав, что мэр — не такая уж важная птица, а жена

мэра — и вовсе «курица ощипанная».

Хотя... смотря с чем сравнивать. Несколько лет назад она и мечтать ни о чем подобном не могла, а сегодня ее уже не устраивало это положение. Амбиции росли, когда она вспоминала надменные взгляды губернатора и его уродки-жены. Маша уснула с твердым намерением утром убедить Максима позвонить. Он знает, мы знаем, все знают, кому.

Утром на Архангельского жалко было смотреть. Куда там заставлять его что-либо делать. Традиционное «после вчерашнего» не щадит никого — ни мэров, ни простых смертных. Спиртными напиткам абсолютно безразличны статус и пол употребляющих их людей. Они знают свои обязанности — бьют по мозгам, сначала расширяют сосуды, а чрез некоторое время их сужают, после чего организм человека начинает «ругаться», очень часто — матом. Примерно в таком душевном состоянии встретил это утро Максим. Первая более или менее сформировавшаяся мысль затрагивала тему: «Мой возраст и крутые гулянки. Полное несоответствие». Трубы горели, требовали хоть какой-то жидкости, голова гудела и тоже требовала, но четко не знала, чего. Поэтому она просто трещала.

Ни о какой работе не могло быть и речи. Мэр решил отлежаться денек, чтобы хоть к завтрашнему утру стать более или менее работоспособным. Для этого, как известно, нужен покой. А где его найти, если живешь под одной крышей с настоящей мегерой, с ее нескончаемыми потребностями.

Подождав еще пару часов, Маша не выдержала и ворвалась в спальню вся в слезах. Да, она научилась проливать слезы. И совсем не важно, по какому поводу, ведь раньше за ней такого вообще не наблюдалось. Максим полусонными удивленными глазами рассматривал жену, не понимая, дурной ли это сон или шокирующая реальность. Осознав, наконец, что это горькая правда, плюхнулся обратно на подушку и стал готовить себя к предстоящему садизму мозга.

— Что случилось? Маша, я умираю после вчерашнего. Что случилось, пожар? — провыл он.

— Пожар, еще какой, четвертой категории. Ты видел? Нет, конечно, ты ничего не замечаешь. Нет, ты видел?

— Чего видел?

— На банкете. Видел, как вели себя эти козлы?

— Каких именно? Их там было ползала.

— Да все. А жены ихние? Вырядились, как проститутки.

— Твой наряд не дешевле, так что не переживай.

— Платье — ерунда. Я про другое тебе долблю.

— Что вас расстроило, Мария Николаевна?

— Да все! — крикнула Маша и выскочила из комнаты. Слышно было, как она бросилась на диван, продолжая громко плакать.

Ситуация становилась напряженной. Максим подумал, что, может, действительно серьезное что-то произошло вчера на празднике. Он был пьян, мог не заметить. Встав, Архангельский перешел в соседнюю комнату. Жена не переставала плакать. Она лежала на животе, уткнувшись в небольшую мягкую подушечку с шелковой наволочкой. Никогда раньше ничего подобного с ней не происходило — она могла, конечно, всплакнуть, но не так сильно и долго. Максим начал беспокоиться. Он не понимал, что могло случиться.

— Маша, успокойся ты. Что такое, ты можешь внятно мне объяснить?

— Вы, вы, вы, — сквозь слезы бормотала она.

— Что? Что? Я не расслышал.

— Я так больше не могу. Ты просто мелкая сошка, а я — жена сошки. Торчишь мэром уже сколько времени.

— Ну, во-первых, на таких должностях не торчат, а сидят, а во-вторых — у меня еще несколько лет осталось до конца срока.

— Вот именно, «срока». Как в тюрьме.

— Чего ты ревешь, объясни мне, в конце концов? Тебя кто-то обидел?

— Ты непроходимый тупица. Как всегда, сам догадаться не можешь. Надо все тебе прожевать и в рот положить? И кому доверили город!

— Единственное, что мне ясно из всей твоей истерики, это то, что ты опять начинаешь капризничать.

— Я виновата. Да? А ты тут как бы ни при чем.

— Что я опять сделал не так? Маша, не перегибай палку, я тебя последний раз спрашиваю.

— Не угрожай мне. Меня вчера унизили, я чувствовала себя официанткой. Они не ставили нас ни во что, ты не замечал? Конечно же, нет! Нахрюкался, как свинья.

— Не преувеличивай, Маша, ты себе внушила неизвестно что.

— За твое здоровье вчера подняли всего-то несколько тостов. Да и то подчиненные.

— Неправда. Губернатор произнес первый тост за мое здоровье.

— И последний. Потом все умолкли и не вспоминали о тебе. А про себя я уж молчу. Никто и слова не сказал.

— Почему же? Я видел, как вы там чокались с дамами. Они за тебя пили.

— Эти дамы мои подруги. Мы пили за меня тихонько, в узком кругу.

— А со сцены тебя поздравляли — ты забыла?

— Это был конференсье, он делал свою работу.

— Маша, я не собираюсь продолжать этот бессмысленный разговор. Вот успокоишься, тогда и поговорим в нормальной обстановке.

— Нет, не буду я ждать. Второго такого вечера я не вынесу, а приглашать нас много.

— Ну и что ты можешь предложить? — спросил Максим, заранее зная, каким будет ответ.

— Звонить Аркадию и просить, а если понадобится — то и умолять поставить тебя губернатором области.

Максима чуть не хватил удар. Сердце защемило, стало душно. Он подошел к окну, открыл его настежь и стал жадно глотать чистый загородный воздух. Крот весело залаял и стал вилять хвостом, увидев в окне силуэт хозяина. Максим смотрел вдаль, никуда. Он думал о своей жизни, преимущественно о второй его

половине. Его жена не ангел, стерва еще та, он это прекрасно знал. Но такое выкинуть — это уже, ни в какие ворота не лезло. И Архангельский решил покончить с подобными желаниями жены раз и навсегда. Немного успокоившись, он обратился к ней:

— Теперь слушай меня, Маша. Слушай и запоминай, можешь сделать амулет из моих слов и повесить себе на шею. А еще лучше вспомни, кем и где были мы всего несколько лет назад. Вспомнила? И про «Вятку» свою старую, что пылится в подвале, не забывай. Теперь оглянись вокруг, посмотри во двор, на свою спортивную машину. Проедься на ней по городу, узнай у прохожих, кто их мэр, и после этого заткнись, замолкни до конца своей и моей жизни. Больше никогда не вспоминай об Аркадии. Я к нему не позвоню, хоть лопни. Запомни и не тереби мои нервы, не мучай себя. Просто живи и наслаждайся жизнью.

— А теперь послушай меня, мэр ты вшивый, — заговорила в ответ Маша, дождавшись, когда он закончит. — Я не хочу и не буду ничего вспоминать, и знаешь почему? Потому что благодаря мне с нашим плачевным прошлым покончено. Я долго жила прислуживая людям, и хочу, чтобы впредь мне прислуживали. Сегодня город, а завтра — вся область. Так и будет, и ты мне не помешаешь. Сегодня же позвонишь Аркадию, или я сама позвоню ему. Я не шучу, Архангельский, ты меня знаешь.

С этими словами Маша вышла из комнаты. Она больше не плакала, глаза блестели от ярости, а тон был таким, что не поверить в искренность ее угроз было трудно. Максиму стало не по себе, он испугался не на шутку. Не хватало еще, чтобы и она начала названивать Аркадию. Нельзя так злоупотреблять его добротой. Машин звонок надо предотвратить, во что бы то ни стало. Максим ринулся за женой, догнал ее на первом этаже в гостиной, крепко взял за локоть и, сдерживая эмоции, произнес:

— Маша, не дури, прошу тебя. Ты сейчас не в себе и способна на любую глупость. Позвонив Аркадию, ты навредишь не только мне, но и себе. Причем себе — в первую очередь. Подумай об этом. Если возникнет патовая ситуация, я сам наберу его

номер без всяких наставлений. Сейчас наши дела идут превосходно, нам ничто не угрожает. Меня стали воспринимать всерьез, даже слишком. Поэтому давай повременим с этой затеей. Я сам пойму, если потребуется звонить. Договорились?

— Не договорились, — резко ответила она.

— Чего ты добиваешься?

— Лучшей жизни.

— Куда лучше?

— Лучшей, чем у этих стерв, что поиздевались надо мной вчера.

— Тебе надо лечиться, Маша. Давай я тебя в Европу отправлю на лечение и отдых.

— Сам лечись. Тебе не помешало бы немного самолюбия добавить. Может, в Европе обретешь?

— Маша, не смей ему звонить. Слышишь, не смей.

— А то что? Что ты сделаешь?

— Что сделаю? Да разведусь с тобой, выгоню к чертовой матери.

— Ты — меня? Я тебя раздену, Архангельский, разорю, опозорю тебя на всю страну, да так, что даже твой покровитель тебе не поможет.

— Заткнись, идиотка.

— Сам идиот. Я свое слово сказала, у тебя есть время до завтрашнего утра. Не позвонишь — тогда это сделаю я.

«Все, господин Архангельский, приплыли, сушите весла». Это ему лично от меня, а то достал, ведет себя как мямля. «Сам виноват, посадил жену на голову, теперь расхлебывает. Хочешь, я вас разведу? Ну же, смелей, только кивни в ответ. Боишься потерять должность? Не думаю, что тебя снимут из-за развода. Это твоя личная жизнь. Не сможет жена тебя никак опозорить после этого. Ну что она сделает? Напишет, что ты импотент? Или что ты гей? Пожалуй, второй вариант более скандальный. Любая желтая газетенка за такую информацию выложит неплохие деньги, еще и фотку состряпать помогут. Да, пожалуй, жизнь она тебе осложнить может. Зато прекратятся ежедневные акты насилия с ее сто-

роны, заведешь себе любовницу. Ах да, я забыл! Она у тебя уже есть. Ну, так женишься на молодой. На модели. Как тебе такая перспектива? А? Чего молчишь, Архангельский? Я тебя спрашиваю, Максим, ты слышишь меня?»

— Максим, ты слышишь меня, вставай, уже утро. Тебе пора на работу. Спишь, как барсук, что с тобой, Максим? Вставай, слышишь? — тихо повторяла Маша, пытаясь разбудить мужа. Она сильно удивилась, когда не дождалась его к завтраку. Никогда раньше Архангельского не приходилось будить, он всегда просыпался сам, без посторонней помощи, без будильника, тогда, когда ему было необходимо.

— Встаю, встаю, отстань, — еле слышно произнес Максим и, вместо того, чтобы встать, повернулся на другой бок.

— На работу не пойдешь?

— Не пойду. Я хочу спать.

— Отлично. Но не выйдет. Со мной этот номер не пройдет. Ты тянешь время, я знаю. Уже утро. Ну-ка, скажи, что тебе предстоит сегодня?

— Отвали, Маша, не видишь, я умираю, спать хочу?

— Как умираешь — не вижу, а что спать хочешь — не верю. Ты всю ночь спал как убитый.

— С чего ты взяла, что я спал? Тебя рядом не было или мне показалось? Ты лежала рядом, а я не заметил это хрупкое создание?

— Я заходила к тебе, симулянт несчастный. А ну, вставай — и в душ. Марш, я сказала.

— Гадюка ты старая, вот ты кто.

Макс добавил еще пару ласковых в ее адрес, встал и поплелся в душ.

После завтрака Маша решила, видимо, обеспечить мужу несварение желудка. Она закатила скандал, стала бить посуду, запустила тарелкой и в Максима. Выхода не было. После этого Архангельский должен был либо застрелить жену, либо звонить Аркадию. Так как огнестрельного оружия под рукой не оказалось, он схватил мобильный.

— Алло, слушаю вас, — услышал он трубке хорошо знакомый голос.

— Здравствуйте, Аркадий. Это Максим Архангельский.

— Узнал, узнал, мой друг. Как дела? Справляешься с городом?

— Да, конечно. Все хорошо. А вы как? — поинтересовался Максим с надеждой услышать хоть какую-то информацию от Аркадия.

— Все нормально, слава Богу. Чем могу?

— Я умоляю простить меня, Аркадий, но не будет спокойной жизни у меня, покуда Маша жива.

— А помнишь, я предлагал тебе развестись?

И я, и я тоже предлагал, Аркадий! Но он — ни в какую.

— Выручите, пожалуйста! — воскликнул Максим. — Я не знаю, что делать! Или закажите нас обоих, к чертям собачьим.

— Ты что, Максим, из ума выжил? За кого меня принимаешь?

— Да нет, это я так, от злости. Вы уважаемый человек. Вы...

— Откуда ты знаешь, кто я?

— Ну... догадываюсь. Вы столько сделали для меня, для нас. Спасибо вам.

— Да погоди ты благодарить. Все время забываешь, что жизнь мне спас. Я твой должник до конца жизни.

— Вы еще не знаете Машиного требования.

— И что на этот раз?

— Хочет, чтобы я губернатором области стал.

— Ну, баба, молодец, ничего не скажешь. Чутье у нее развито — дай Боже. Она у тебя не в разведке, случайно, работает? Ведь знает, что нынешнего губернатора менять собираются. Ну ладно, не горюй. Думаю, все будет как надо. Жди, тебя найдут.

У Максима челюсть отвисла так, что он ее еще долго не мог на место вернуть. Это что же получается? Маша будет заказывать, а Аркадий вот так, с легкостью, исполнять? «Может, я вижу сон?» — подумал он и ущипнул себя на всякий случай. Убедившись, что не спит, быстренько спустился вниз. Там его ждала Маша. Она не слышала разговор, ей больше нравилось с замиранием сердца ждать. Слышать от Аркадия отказ или, еще хуже,

ругань, Маша не хотела.

— Получилось? — испуганно спросила она.

— Поговорить — да, получилось. А назначат или нет — не знаю. Он, как всегда, сказал «жди, тебя найдут».

А вы как думаете, дорогой читатель, получит Архангельский эту должность? Давайте откроем подобную тему на форумах в Интернете. Начнем ее обсуждать, каждый выскажет собственное мнение, и все решит смс-голосование. Впрочем, что-то я не о том. Вернемся лучше к нашим героям и скажем им... кстати, а где же они? Отвлекся я всего-то на несколько секунд — и вот, их уже на месте нет. Съехали, что ли? А может, вышли ненадолго. Вон и Крот на месте. Странно все это... но объяснимо, я думаю.

Скорее всего, Аркадий в очередной раз не отказал Архангельскому. Поэтому-то их и дома нет. Переехали в роскошный двухуровневый пентхаус, откуда открывается великолепный вид на город. Процесс назначения был длительным. Максим до сих пор не может поверить, что это было на самом деле. Он видел страшные сны, где бегал к друзьям в баркас, где он бедный простой человек. Каждый раз просыпался в холодном поту, долго не понимал, где находится, что происходит и где правда? Его не покидала мысль о том, что вся его сегодняшняя жизнь — выдумка, туман. Что она в любой момент может раствориться, что все это происходит не с ним. Какая-то неведомая лебедка тянет его вверх, и где гарантия, что она не оборвется в скором времени? Его кандидатуру выдвинула партия власти, членом которой он являлся уже несколько лет. Президент подписал указ о назначении, потом состоялось принятие присяги, и вот он, Архангельский — парит над областью на вертолете вместе с важными персонами его ведомства.

Губернатор области после своего назначения решил пожить в городской квартире, приобретенной по случаю повышения. На машине от жилища до своего губернаторского кресла Максим добирался за пять минут.

Маша была на седьмом небе от счастья. Окрыленная назначением мужа, она, видимо, вконец потеряла чувство реальности.

Через нужных людей подыскала шикарный особняк в Италии, успела съездить и даже оставить задаток за него. Максим целыми днями находился на работе, дел было невпроворот, домой приезжал обычно за полночь. Он был полностью поглощен государственными заботами. Настолько, что уже и не рад был этому назначению. Свободного времени почти не оставалось: бесконечные деловые ужины, поездки по городам и селам области, куча других дел — все это отнимало силы и время без остатка. Груз ответственности был настолько велик, что Максим стал обнаруживать признаки хронической боязни за свои слова и поступки. Со временем это могло перерасти в паранойю. Он стал раздражительным, много курил, мало отдыхал.

Они с женой порядком остепенились. Лихорадка первых больших денег закончилась. Прежние бесшабашные шоппинги, подарки, вечеринки если не полностью ушли в прошлое, то перешли на качественно более высокий уровень. Теперь только крупные дела, антиквариаты, загородная и заграничная недвижимость, тщательно отобранный круг общения. Поднимаясь по служебной лестнице, Максим менял многое, если не сказать все в своей жизни. Покупал новые дома, машины, нанимал новых водителей. Прекращал общение с одними знакомыми и обзаводился новыми, более влиятельными. Ему хотелось новизны во всем, но в друзьях у него оставались все те же старые, испытанные временем и трудностями Павел, Альберт, Николай и Андрей, а спутницей жизни — неутомимая Мария Николаевна.

Красная спортивная машина выскочила на мост с федеральной трассы на бешеной скорости. Для того чтобы развернуться и начать движение в нужном направлении, она должна была проехать метров пятьсот, потом уйти под знак налево. Но ничего подобного водитель не предпринял, а вместо этого нагло развернулся через разделительную полосу на глазах у автоинспекторов ГИБДД. Те молча проводили машину взглядом. Кому охота связываться с женой самого губернатора области?

Маша ехала в сторону центра, не обращая внимания

на светофоры и дорожные знаки. Проехав несколько кварталов, уперлась в пробку. Дорога была перекрыта. Она выехала на встречную полосу и через некоторое время остановилась перед полицейской машиной. Посигналила. Подошедший сотрудник вежливо поприветствовал ее:

— Добрый день, Мария Николаевна. Вы извините, но придется чуточку подождать.

— Ты что, обалдел, солдатик? Я тороплюсь, давай убирай свою колымагу с дороги.

— Не могу, к сожалению. Есть распоряжение обеспечить зеленый свет по всему пути следования кортежа. Приехали важные гости из Москвы, с ними полномочный представитель Президента в нашем федеральном округе.

— Как твоя фамилия, ты сказал?

— Я не представлялся. Старший лейтенант Козлов.

— Вот-вот, полное соответствие фамилии.

— Не надо оскорблять меня, Мария Николаевна. Я на посту. Если я вас пропущу, то меня в лучшем случае уволят.

— Тебя в любом случае уволят. За хамское поведение.

— Я вам не хамил, я никогда не хамлю. Зачем вы так?

— Все. Надоело. Мне надо проехать. Делай что хочешь. Доложи руководству, в конце концов.

В это время рация молодого офицера громко скомандовала что-то хриплым мужским голосом. Правда, хрип был больше от помех на волне. Гаишник быстренько побежал к перекрестку и, подняв жест, стал дожидаться вереницу машин, мчавшуюся по трассе с мигалками на крышах. Маша смогла продолжить движение только после того, как проехали высокопоставленные чины. Среди них был и муж. Накануне он и впрямь что-то говорил про московских гостей, но ей такие «мелочи» были уже не интересны. Жена губернатора была в ярости. Как посмели, ей, первой среди женщин области, не дать проехать? От злости она давила на педаль газа изо всех сил, мотор рычал, автомобиль набирал скорость. Подъехав к дому подруги, она с трудом дождалась, когда откроются ворота, и едва не сбила кого-то из работников.

Подруга — ее звали Анжела — была женой состоятельного бизнесмена, прислуги у нее был полный комплект.

— Что стряслось, Маша? Землетрясение? — поинтересовалась она, выходя навстречу.

— Да, десять баллов по шкале Рихтера.

— Так-так, рассказывай. Ты была в эпицентре события?

— В самой гуще, Анжела, ты не поверишь. Сегодня мной как будто вытерли пол.

— А что, пылесоса под рукой не было?

— Хорошо, что не было. А то бы я им прошлась по тому менту.

— Как? Наши менты посмели тебе перечить?

— Какой-то козел по фамилии Козлов. Целый час держал меня в оцеплении и не давал проехать.

— А, сегодня же весь город перекрывали. Почти целый день. Гости из Первопрестольной пожаловали. Наши мужья тоже с ними. Наверное, до утра гудеть будут.

— Гаишник еще говорил, что какой-то полномочный представитель приехал.

— Не какой-то. Это полномочный представитель Президента. Мой говорил, что твой его как огня боится. Еще бы! Считай, правая рука Президента страны.

— А на эту должность кого берут?

— Кого Президент выберет, того и берут. Вот бы Максима назначили на эту должность! Тогда мой Кирилл так развернулся бы в регион. Внукам бы хватило.

— Да? У меня детей нет. Все твоим внукам достанется.

— Ладно тебе, родишь еще.

— Рожу? Когда шестьдесят стукнет? Ты хоть думай, что говоришь.

— А из детдома возьми. Грудного ребенка. И вырасти, как своего.

— Не знаю, может быть. Слушай, что-то настроение паршивое. Может, коньячку по стопочке?

— Поддерживаю. Только не по стопочке, а по снифтеру.

Максим весь день возился с гостями и руководством.

На банкете напились, начали рассказывать анекдоты. Смешно, не смешно было — смеялись все, громко и старательно. В течение всей ночи Маша названивала мужу, бормотала что-то в трубку. После пятого звонка Максиму пришлось отключить мобильный. Не успокоившись, Маша принялась звонить его водителю и требовать позвать хозяина. По возвращению домой Архангельский застал жену спящей, в одежде и с телефоном в руке. От нее разило спиртным. Вздохнув, Максим ушел к себе наверх. Он даже предположить не мог, что ждет его завтра.

Честно говоря, просто не хочется описывать утренний разговор губернатора с женой. Сначала Маша в красках обрисовала случай с гаишником, но неожиданно получила сильный нагоняй от мужа. После этого завелась по-настоящему. Через полчаса ее было не узнать. После вчерашнего у нее жутко болела голова, и всю злость за это она выплеснула на бедного мужа. Никогда раньше Максим не наблюдал за Машей такого неадекватного поведения. Она то кричала, то била посуду, то плакала, то вдруг успокаивалась и переходила к просьбам. От всего этого ужаса Максим пребывал в состоянии шока. С чем был связан ее гнев, он догадывался, но все же не мог поверить, что простая задержка на дороге могла так подействовать на психику жены.

— К чертовой матери всю эту твою должность. И Аркадий твой пусть туда же идет. Я ему позвоню, я ему все выскажу. Он ведь специально дразнит, хочет помучить. Не мог сразу тебя поставить на такую должность, чтоб никто больше об нас ноги не вытирал? Не мог, я спрашиваю тебя? А если бы он подох в тот день? Что тогда? Кто бы тратил его деньги? Откуда тебе, придурку, знать? Ты даже не знаешь, женат он или нет!

— И это после того, что он для нас сделал? Ты чудовище, Маша.

— Что он сделал? Если бы ты ему жизнь не спас, если бы я не проявила настойчивость, гнил бы ты сейчас в своем порту.

— А теперь я здесь гнию, какая разница? Там я хотя бы свободным был.

— Вот и надо было тебе подавиться этой свободой! Плевать я

хотела на твою голодную свободу! Главное в этой жизни — материальный достаток, других ценностей нет. Грош цена всем разговорам о «высоком». Люди смотрят на произведения искусства, а думают о своем брюхе — что скоро проголодаются, через час ужин в ресторане! Слушают оперу и думают, как там их джип, не украли его? Человек так устроен, по-другому он не может, иначе умрет. Да, да, Архангельский, и не смотри на меня так. Хочешь сказать, что не согласен со мной?

— Конечно, не согласен. Все, что ты наговорила сейчас — слова истинной мещанки.

— Я не мещанка, а реалистка. Это ты у нас витал в облаках, все чего-то ждал.

— Так я и дождался чего ждал, дура ты старая. Прояви ты, какую угодно настойчивость — без помощи Аркадия это все равно, что биться лбом о стену.

— Я всегда хотела, чтобы мы разбогатели.

— Хотеть не вредно, но одного этого мало.

— Ты всегда довольствуешься тем, что есть. Ты не думаешь о завтрашнем дне.

— Я просто не забываю о вчерашнем дне.

— Максим, не будь половой тряпкой. Иди до конца. Ты думаешь, что уже крепко стоишь на ногах? Да на тебя дунь — и вылетит ты из своего кресла.

— Маша, заткнись, умоляю тебя. И хватить пить. От алкоголя ты звереешь.

— Я абсолютно трезвая.

— Ладно, мне пора на работу. К нам ведь Полномочный приехал. Мне надо с ним быть.

— Конечно! Ты теперь у нас большая шишка, с госномерами и под мигалками едешь. Тебя, небось, гаишники не останавливают. А с женой делайте что хотите! Давайте, втаптывайте ее в грязь!

— Никто тебя никуда не втаптывал. Сотрудник ГИБДД выполнял свои должностные обязанности. Ехали большие люди.

— Тогда будь и ты большим, как они.

— А я и так не маленький. Тебе же, вроде, деньги нужны были, а не должность.

— Как будто должность — это не деньги. Они ведь не голодают на своих должностях.

— Губернатор — это хозяин области. Она — его владения.

— А Полномочный курирует несколько таких владений. Да на этой должности таких дел можешь наворотить! Представь, все эти олигархи на тебя будут молиться. Не понимаешь, Архангельский?

— Ты говоришь о вещах, в которых не разбираешься. Эти люди на виду, их всего несколько в стране. У Полномочных Представителей Президента совершенно другие обязанности. Ты даже не представляешь, какая это ответственность. Они отчетываются Президенту непосредственно.

— Какая прелесть. Представляешь, ты — в Кремле! А? Все мои подруги одна за другой полопаются от зависти.

— Даже если призову на помощь всю свою фантазию, не смогу этого представить.

— Максим, опять ты начал? Не упрямясь, только себе и мне настроение портишь.

Но Максим ее уже не слушал. Прекрасно зная Машин характер, он предпочел прервать этот разговор. И ушел по-английски, не говоря больше ни слова.

Первое, что он сделал, приехав на работу, это запретил секретарше соединять его с женой. После чего отключил мобильник и принялся делать важные звонки в разные уголки России. В двенадцать часов было назначено собрание, потом — обед. После обеда надо было проводить гостей в аэропорт. Ну а после всех этих общественных хлопот Максим собирался нанести визит своим старым должникам из крупной строительной компании, возводившей многофункциональный торгово-развлекательный комплекс. Компания «победила» в тендере, организованном Правительством области.

Не в правилах Архангельского было наносить подобные визиты. Но, видимо, решил на этот раз совместить приятное

с полезным. Посещение губернатором важного объекта на стадии строительства было неплохим пиар-ходом, а заодно и о делах можно было потолковать. Встретиться ему предстояло с людьми далеко не бедными и весьма влиятельными в регионе. Он обеспечил этим господам победу в тендере, где у них были серьезные конкуренты. За это губернатора полагалось «подогреть», но инвесторы затягивали с этим вопросом, делая намеки на временные финансовые затруднения. Тогда Архангельский решил вместо денег отведать кусочек «пирога», другими словами — войти в долю в этом комплексе, то есть стать акционером.

Господа его выслушали и попросили два дня на раздумья. Максиму такое поведение бизнесменов не понравилось, и про себя он решил проучить их.

Вечером зазвонил его мобильный, который он включил по дороге домой. Этот звонок был спасительным для Максима, можно было перевести дыхание после очередной Машиной атаки. Она буквально силой пыталась заставить мужа сделать очередной «волшебный» звонок их покровителю. Назревал скандал. И тут раздался спасительный звонок.

— Да, алло, слушаю вас.

— Здравствуй, мой друг, — сказал знакомый голос.

— Ар... Аркадий! Добрый вечер. Рад слышать вас.

Услышав это имя, Маша даже привстала со своего места и, затаив дыхание, ловила каждое слово.

— Взаимно. Как у тебя дела? Как поживаешь?

— Вы же знаете. Просто из вежливости интересуетесь?

— Я не могу все знать. Но кое о чем слышал.

— О чем именно? — испуганно поинтересовался Максим.

— Ты встречался сегодня с людьми.

— Да, с инвесторами.

— Я знаю.

— Не надо было?

— Почему же, ты губернатор. Имеешь полное право курировать крупные проекты.

— Но я чувствую в вашем голосе недовольство.

— Совет тебе — не лезь ты в это дело. Договорились? Лучше скажи мне, как тебе пост губернатора? Не тяжело?

В тихих помещениях, где мало людей, мобильники ведут себя как дуршлаг — только вместо воды пропускают звук. И стоящие рядом, а в данном случае это была Маша, могут прекрасно слышать голос в трубке — как если бы сами с ним разговаривали.

— Скажи, что тяжело, слышишь, лови момент, — горячим шепотом посоветовала Маша.

— Да, думаю, справлюсь. Нелегко, конечно, но грех жаловаться. А по поводу этой строительной конторы понял вас, больше не потревожу.

— Мало того. Включи им и дальше зеленый свет, пусть работают.

— Как скажете, Аркадий.

— А жена твоя как поживает? Теперь она всем довольна?

— Нет, конечно, — продолжала громко шептать ему в ухо Маша. — Скажи, она кровь мою пьет. Недовольна, скажи! Вали все на меня!

— Вы женщин, будто не знаете. Когда это они бывают всем довольны?

Маша довольно закивала головой.

— Что ей на этот раз не нравится?

— Да ну ее. Не буду говорить, стыдно.

— Говори, Максим, не стесняйся.

— Ей не нравится, что я губернатор. Нет, конечно, нравится, но теперь она хочет, чтобы я стал полномочным представителем Президента в нашем федеральном округе.

В ответ послышался короткий свист, выражающий обычно изумление — вроде «ничего себе, наглость».

— Я тоже так думаю, забудьте, я ее и так, и так стараюсь переубедить, но сил больше нет. Остается один выход — оставить пост по собственному желанию, по состоянию здоровья.

— Не горячись, мой друг. Зачем такие крайности. Я что-нибудь придумаю. Жди. Тебя найдут.

На этой оптимистической ноте разговор закончился, и наступила тишина. Сильно уже жалевший о содеянном Максим все еще стоял с телефоном в руке и смотрел на Машу отрешенным взглядом, а та все еще продолжала чего-то ждать, затаив дыхание.

— Маша, ты меня раньше времени в могилу сведешь.

— Или вознесу высоко в небеса, — парировала она.

— В каком смысле? Причислишь к лику святых?

— Не говори ерунды. Аркадий что сказал?

— Сказал, жди. За твоей женой придут, сказал. Доигралась ты, Маша, расстрелять он тебя хочет.

— Пусть лучше начнет с губернаторов, — проворчала Маша, не оценившая шутку мужа.

— Губернаторов без жен не казнят, таков закон.

— Максим, мозги не делай. Что он говорил про меня?

— Если серьезно, он хочет пригласить тебя.

— Да? А куда? — обрадовалась Маша.

— Поучаствовать в конкурсе красоты. Говорит, первое место Маше обеспечено, — сказал Максим и вдруг захохотал.

Это был нервный смех. Каждый разговор с Аркадием ему давался нелегко, он сильно переживал, и после последнего разговора необходимо было расслабиться. Поэтому он либо пил, либо принимался шутить без остановки.

— Шути, шути, дошутишься у меня.

— Я обратил внимание, что Аркадий никогда ничего конкретно не обещает, — резко сменив шутливый тон на серьезный, сказал Максим. — Но обнадежить он умеет.

— А главное, до сих пор еще ни в чем тебе не отказывал. Люблю мужчин, которые являются хозяевами своих слов.

— Сплюнь, а то сглазишь. И по голове своей постучи.

— Не по твоей же. Тем более что ее у тебя нет.

Какая теперь разница, как они жили раньше? Важна действительность, важно сегодняшнее положение дел. Кто сейчас посмеет вспомнить прошлое губернатора прилюдно?

Только какой-нибудь умалишенный. Ну и еще я.

Мне ли не знать Архангельских! Эта семейка скоро начнет мне сниться. Однако их история на этом не заканчивается. Видимо, полоса везения будет такой же длинной, какой была черная полоса в их прошлой жизни. Дай-то Бог. А кто против? Но человек, хозяин собственной судьбы, легко может и сломать ее. Лишь патологические не везунчики заслуживают сожаления, остальные «разрушители» жизней — или глупцы, или лентяи. Есть еще третий, обобщенный, вариант, сочетающий в себе такие человеческие пороки, как алчность, жадность, зависть и так далее. Как червяки в яблоке, они пожирают жизнь человека, не дают ему покоя ни днем, ни ночью. Подобные чувства дурманят рассудок, делают помыслы грязными, и наступает начало моральной деградации человека. Люди начинают делать ошибку за ошибкой и постепенно доходят до черты, за которой уже невозможно ничего исправить, повернуть вспять. Ведь знаем же, что нужно ценить, но не ценим, пока это все не потеряем. Думаете, Максим с Машей не знали эту давно известную мудрость?

Ну, проживем — увидим.

А пока давайте поздравим Архангельского Максима Андреевича с очередным повышением. Пока вы читали предыдущий абзац, прошло полтора года — такое возможно только когда читаете какое-то произведение, находитесь как бы на его планете. А каждая планета имеет свое собственное времяисчисление.

Права и обязанности Максима Архангельского зачитывать не буду, они всем хорошо известны. Не ясен один-единственный вопрос: что делать жене высокопоставленного чиновника такого ранга, чем ей заняться в этой жизни?

Маша, не сильно отягощая себя размышлениями, нашла простой выход из ситуации. Она просто начала беситься с жиру.

Нет забот, нет детей, муж целыми днями на работе, денег навалом. Нет, даже лучше так: у них денег было больше, чем в самом крупном банке города. По понятным причинам Маше пришлось отказаться от привычки приезжать в Москву и спускать кругленькие суммы в казино. Максима могли бы попросить с работы за такие увеселения жены. Поэтому для подобных

целей она летала то в Монте-Карло, то в Грецию, то в Лас-Вегас, посещая там самые крупные казино.

Ее традиционно женская страсть к шопингу приобрела новый оттенок. Устав от поездок в Милан и другие города Европы, Маша увлеклась индивидуальными заказами из лучших домов мод, «от кутюр». Специально для нее в единственном экземпляре шили и делали ювелирные украшения известнейшие модельеры мира.

А свою традиционно мужскую страсть к машинам Маша удовлетворяла едва ли не каждый месяц покупками нового авто. В ее коллекции было несколько спортивных машин, три джипа и, конечно же, куда без нее, раритетная машина, ретро автомобиль марки «Bentley» 1955 года выпуска. Для поездок на официальные мероприятия у них в гараже красовался Мерседес из тех моделей, на которых без водителей не ездят. Если прибавить к этому списку еще служебную машину и два седана немецкой сборки, принадлежавшие мужу, то наберется целый гараж.

Максим же, наоборот, старался по мере возможности вести себя скромней. У него появился хронический чиновничий страх. Он боялся всего — утечки какой-либо информации, компромата, журналистов, Президента, даже своих подчиненных. Он сидел слишком высоко, чтобы не бояться падения. Он предчувствовал, что это будет смертельно больно.

Мы мечтаем, но, как только осуществим свою мечту, переключаемся на другую. Достигаем и этой — сразу появляется новая. И так до тех пор, пока не осознаем, что настоящая мечта несбыточна. Может, поэтому, осуществив все «второстепенные» мечты, Максим не хотел осквернять ту самую, давнюю, хрустальную свою мечту о яхте. Ему не раз снился сон, где он бороздил морские просторы на ней, своей роскошной белоснежной яхте, отдыхал, гулял в ней. Сейчас Архангельский мог себе позволить яхту, но, будучи одним из теневых богачей края, боялся это делать. Боялся потерять смысл жизни, боялся, что не к чему будет стремиться, не о чем будет мечтать. Новую мечту Максим так и не придумал, как-то времени не хватило с этой суматохой

с повышениями, и потому лелеял старую как мог.

Семейный бизнес процветал. Архангельские владели сетью ресторанов, построили два торговых центра. Максим приватизировал принадлежавший государству санаторий и сделал из него респектабельную зону отдыха для богачей. Он «крышевал» несколько крупных производств, планировал открыть свой банк. Наверное, существовали и еще какие-то источники дохода, о которых даже я не знаю. Жизнь удалась — правда, не с самого начала, но, тем не менее, грех был жаловаться.

У каждого свои потребности. У каждого свой минимум и максимум. Для кого-то пределом мечтания является тысячи долларов в месяц, а кто-то от ста тысяч долларов в день недовольно вздыхает. Кому-то не удается постичь грамматику собственного языка, а кто-то жалуется, что совершенно нет времени для изучения пятого, японского. Кем-то недоволен его тренер, потому что не взял второе золото на этой Олимпиаде, а кто-то, подтянувшись десять раз на турнике, остается очень довольным собой.

Счастлив тот, кому хватает. А нашей героине не хватало катастрофически. Максим не понимал, чего добивается Маша. Что ему надо было еще сделать, чтобы успокоить жену? В последнее время он не так часто видел ее, зато мог проследить по быстро облегчающимся банковским картам за ее сумасшедшими расходами. Как обреченный смертельно больной, который знает, что жить осталось немного, Маша решила перепробовать всё в этой жизни. И слово «все» тут можно понимать даже буквально. Она перчатки меняла реже, чем мужчин и машины. Неизменные спутники ее богатой бесшабашной жизни — наркотики и алкоголь — срывали крышу, и Маша становилась все более жестокой и циничной. Все эти мысли не давали Максиму покоя. Бессонными ночами он бродил по большому, но безлюдному и холодному дому один, раздумывая, как быть дальше. Предчувствие опасности не покидало его ни на минуту. И причиной такого беспокойства была женщина. Как всегда, женщина. Во все времена — женщина. С Машей он жил как на вулкане, в любой момент готовый

к извержению. Он чувствовал себя сапером, который может взлететь на воздух после каждого следующего шага. Причем опасные шаги делал не он, это его жена наступала то на одну «мину», то на другую.

Однажды, задумавшись, он и не понял, как оказался в гараже. Гараж занимал большую территорию и включал в себя места для машин, кладовку и небольшую мастерскую. Все машины были на месте, это означало, что Маша далеко за пределами страны. Решив заглянуть в кладовку, Максим у дверей наткнулся на предмет, напомнивший ему о бедном, но беззаботном времени. Эта была его любимая стиральная машинка «Вятка», подарок матери. Не хотел Архангельский с ней расставаться и перевозил из дома в дом со словами «может, пригодится». От нее веяло чем-то добрым, на фоне современной техники эта старая машинка выглядела беззащитной, но гордой. «Надо Машу сюда посылать почаще, — подумал Максим. — Пусть не забывается. Сейчас она даже не знает, кто из служанок стирает ее одежду».

Маша вернулась из турне по Южной Америке в скверном расположении духа. Заявившись домой глубоко за полночь, она окинула мужа равнодушным взглядом и, не проронив ни слова, ушла к себе. Ее полные безразличия глаза испугали Максима не на шутку. Он решил подождать до завтра и поговорить с женой серьезно, но пока не знал, как построить разговор, с чего начать? Бедный Макс даже не понимал, что именно его беспокоит. Ему было больно смотреть на то, как жена прожигает свою жизнь вот так. Он хотел завести разговор о ребенке. Архангельскому очень хотелось усыновить ребенка, но он не мог предугадать реакцию жены.

Еще Архангельский хотел уйти из госслужбы в бизнес. По сути, бизнесом он занимался уже давно, и это занятие казалось ему куда более привлекательным. По закону бизнеса самому и только самому необходимо находиться у руля и лично контролировать все процессы. Иначе бизнес пошатнется, а потом и вовсе может развалиться. Сейчас на основных позициях находятся доверенные люди — близкие друзья. Но, как говорится,

лучше самого себя никто не сделает.

Весь следующий день Маша провела в постели. Апатия охватила ее, ничего делать не хотелось, и только к вечеру она смогла заставить себя встать и пойти в душ. После нанесения марафета она определила маршрут сегодняшней поездки. Надо как-нибудь спросить женщин, каким образом данная процедура влияет на их настроение? Я, конечно, могу найти некоторые различия между не накрашенной женщиной и той, что во всеоружии и чувствует себя уверенно, но тем не менее подозреваю, что макияж, всякие там маникюр-педикюр, посещение спа гораздо сильнее, чем можно себе представить, преобразует слабый пол, делает и без того красивых женщин неотразимо привлекательными. Свидание, деловая встреча, шоппинг, прогулка, всевозможные вечеринки и множество других причин выглядеть сногшибательно — для каждого такого случая существует свой макияж. Но, наверное, для встречи с мужем женщина может, не парясь, выглядеть «на тройку». Все равно уже женился, теперь можно и расслабиться.

Маша определила свой маршрут на сегодня. Поедет в закрытый женский клуб. Там, правда, мужчин не будет, но зато можно пощекотать женские нервы. Богатая одежда, парфюмерия, обувь, автомобиль в сочетании с ювелирными украшениями делали Машу предметом не только зависти, но и ненависти.

Она ехала, по обыкновению, на бешеной скорости. Не доехав до клуба несколько кварталов, неожиданно развернулась и поехала в другую сторону, потом достала мобильный телефон и, воспользовавшись быстрым набором, нажала на кнопку «2», а потом на «yes».

— Да, Маша, только не тяни. Я занят, — услышала она в трубке голос мужа.

— Освободи себя поскорей. И чем раньше, тем лучше. Я к тебе еду.

— Зачем? С какой стати?

— А я соскучилась по тебе.

— Маша, мне не до шуток, я серьезно занят.

— Ничего. Сделаешь кофе-брейк и выслушаешь жену.
— А дома мы не можем поговорить?
— Можем. Дома мы договорим, если не закончим разговор на работе. Я тоже спешу, так что в интересах обоих сделать это быстро.

— Что «это»? Жена моя, золотце мое, давай отложим наш разговор до вечера. Дома спокойно и побеседуем.

— Я уже паркуюсь. Ты у себя в кабинете?

— Нет, я на даче.

— Очень смешно.

Как только она вошла в приемную мужа, секретарша вскочила со своего стула, вежливо приветствуя жену шефа и по совместительству любовника. Эта красивая девушка по имени Марина работала у Архангельского чуть больше шести месяцев. Она была обаятельна и умна, с высшим образованием и маленькой зарплатой. Но «премиальных» за эти полгода хватило на трехкомнатную квартиру, на иномарку и канадскую песцовую шубку.

— Докладывать не надо, Мисс Монголия, не утруждайте себя. Маша намекала на ее едва заметные азиатские черты лица.

Максим встретил жену с видом притаившегося в ожидании жертвы охотника. Он привык к тому, что в оборонительных целях лучше сразу же наброситься на нее, не выслушивая до конца.

— Наверное, где-то готовят революцию, а ты об этом пронюхала, раз отменила свои архиважные дела и приехала поговорить с мужем.

— Революция свершилась на моих счетах. Такое ощущение, что их национализировали.

— Их заморозили.

— Замороз... Кто? — с изумлением и гневом в голосе спросила Маша.

— Максим Архангельский. Знаешь такого?

— Максим, Максим... Как, ты сказал, его фамилия? Архангельский? Где-то я это имя слышала. Вспомнила, как же. Одного из грузчиков в порту моего родного города так звали.

— И мэра твоего родного города так звали, не так ли?

— Полные тезки, ничего более. Рожденный грузить руководить не может.

— Как раз все наоборот. Многоуважаемый господин Архангельский опровергает эту вашу никчемную теорию. Бездарных людей на такие должности не ставят.

— Помолчали бы уж. Это ты своей Мариночке можешь лапшу на уши вешать. А предо мной выделяться не надо, прошу тебя. Ты смешон, Архангельский, ты смешон.

— Рад слышать лестные слова. Так вы посетили это учреждение для того, чтобы делать мне комплименты, или вас привели иные намерения?

— Не ерничай, Максим. Я тут подумала и решила обратиться к тебе в последний раз в своей жизни.

— Помирать собралась? Ну, в последнем желании никто не может отказать.

— Только после тебя, болван. Я хочу, чтобы ты в последний, подчеркиваю, в последний раз, позвонил Аркадию. Не кипятись раньше времени, а выслушай спокойно. Ты видишь, я спокойна и тебя призываю к этому.

«Она сошла с ума, — пронеслось в голове у Максима. — Эти порошки довели ее окончательно. Такой зловеще спокойной я ее никогда не видел. Чего она задумала на этот раз? Чего она еще может хотеть от Аркадия? Чтобы я стал Президентом?». От этой мысли он покрылся холодным потом, почувствовал слабость в коленях и даже присел, чтобы не рухнуть на пол.

— Максим, ты слушаешь или нет? Я тебе обещаю и клянусь, что больше никаких просьб не будет. Эта последняя.

«Точно. Президент. Больше никакие должности ее не интересуют», — окончательно уверился Максим. Его охватил ужас при мысли, что Маша сама может позвонить Аркадию с подобной нелепой просьбой, так как был уверен, что сам ни за что на такую глупость не пойдет.

А Маша уже стояла перед ним с мобильным телефоном в руке.

— Нет! — заорал Максим, да так, что даже Марина в соседней

комнате уронила поднос чашками на пол. — Ни за что с такой идиотской просьбой я к Аркадию не обращусь. Слышишь, никогда! Легче пристрелить тебя.

— Что ты орешь, ты еще не знаешь, о какой просьбе речь? Тебе же лучше будет.

— Не знаю, но догадываюсь.

— Так, успокоились. Все внимание на меня.

— Маша, я тебя вышвырну из кабинета, а потом спущу с лестницы. И не вздумай проверить серьезность моих намерений.

— Верю, верю. Не кипятись. Не знаю, о чем ты подумал, но моя просьба тебя обрадует. А еще большая обрадуется твоя драгоценная Марина.

— При чем тут Марина? Ты чего несешь?

— Ты же не хочешь дослушать меня.

— Говори. Но учти, Маша, если мне что-то не понравится, я сделаю того, что обещал.

— Договорились. Ты сейчас позвонишь Аркадию и скажешь, что это твой последний звонок ему, что это последняя просьба твоей бывшей жены.

«И сделайте его Президентом». Максим не переставая думал о своем. Неожиданно до него дошли Машины последние слова.

— Моя бывшая жена? Это ты о ком, Маша?

— Обо мне, дорогой. Изложи Аркадию мою просьбу. Мою последнюю просьбу в качестве твоей жены. Потому что мне надоело ею быть, я хочу стать женой Аркадия. Есть у него жена или нет, меня не волнует. Пусть женится на мне.

Нет предела женскому коварству.

— Ну, давай же, Архангельский, положи конец своим страданиям. Избавься от меня. Такой шанс тебе выпал.

Максим сдержал свое слово, вот только спустить жену с лестницы не позволила секретарша. Некоторое время спустя его госпитализировали с сердечным приступом.

Маша же направилась в свой женский клуб. Мешать алкоголь с наркотиками — ее излюбленное занятие, и сегодня она сделала то же самое, только на сей раз удвоила дозировку. Потом захоте-

лось свежего воздуха, она вышла в красивый внутренний дворик клуба с беседками. Там было тихо. Маша включила мобильный телефон и позвонила. Через некоторое время она услышала знакомое:

— Алло, слушаю вас.

— Привет, Аркадий. Не узнали меня?

— Честно говоря, нет.

— Это жена Максима Архангельского, Мария Архангельская.

— Добрый вечер, мадам. Какая честь для меня. Что-то с Максимом?

— Нет, с ним все в порядке. На этот раз у меня к вам просьба.

— А все предыдущие были не вашими?

— Сегодняшняя просьба касается лично меня и... вас. Нас с вами.

Молчание в трубке было достаточно красноречивым. И Маша изложила ему все, излила душу, практически «призналась в любви». Аркадий выслушал ее до конца, не проронив ни слова. И через несколько секунд в трубке раздались гудки. Аркадий не то чтобы не продолжил разговор, он даже не попрощался. Маша тут же начала перезванивать, думая, что возникли проблемы со связью. Но тщетно. Абонент был вне зоны действия сети.

И так весь вечер, всю ночь, весь следующий и все последующие дни.

Друзья не тревожили Максима несколько недель. Убрали телевизор из его палаты, не приносили газет. Врачи внушали своему пациенту, что надо только есть и спать и не о чем более не беспокоиться. Это информационное эмбарго имело одно простое объяснение. Все еще слабое сердце друга не выдержало бы такого количества ударов подряд. Сначала Архангельского сняли с должности, потом начали отнимать бизнес, а когда друзья попытались оказать сопротивление, на них и на Максима завели два уголовных дела и уже конфисковали почти все имущество. Остались только заграничная недвижимость и драгоценности жены. А сегодня пришло сообщение, что и до них добрались.

Машу взяли с наркотиками, и она, чтобы откупиться, при-

несла все свои, как она любила их называть, «цацки», а заодно рассекретила полную дислокацию всего недвижимого имущества Архангельских.

Еще можно было вырулить ситуацию, оставались кое-какие средства на нескольких счетах, пара-тройка антикварных вещицек и две раритетные машины, но пришлось попрощаться и с этими остатками былой роскоши ради закрытия уголовных дел.

Все, что у них теперь оставалось — это старый отцовский дом и всякое старье, которое друзья успели наспех запихать в старую Максимову «Ладу» и вместе с Машей привезти в родительское гнездышко.

Конечно же, Максим узнал обо всем, конечно же, расстроился. Но не сильно.

То ли это была природная мудрость, то ли продолжающееся действие лекарств, но Максим рассудил так: «Бог дал — Бог взял». Еще когда он был в больнице, друзья сообщали ему обо всех горьких новостях постепенно, как бы готовя его к следующей, еще более сокрушительной.

Ближе к выписке Максим был полностью готов к новой, а по сути — старой жизни.

Он ехал домой по хорошо знакомым дорогам и чувствовал себя словно младенец, начинающий жизнь с нуля, еще ничего не имея и никому не задолжав.

Его ждала женщина, которая прожила с ним очень долго, но так и не смогла создать семейный очаг. Его ждала простая, но такая свободная жизнь — без денег, без должности и «понтов».

Войдя в свой старый дом, Максим встретился глазами с женой, которая копалась в старом белье, а старина «Вятка» крутила его в себе, словно возвращая все на круги своя. Увидев мужа, Маша привычным тоном сказала:

— Снимай грязное. Я стирку затеяла.

Как будто не было всех этих событий, взлета и падений.

Максим спустился во двор. Завел свою «россиянку».

И помчался прочь от этого дома, от жены, от себя.

Спустя некоторое время, не отрывая взгляда от дороги, он открыл бардачок, чтобы достать очки. Покопался в бумажках, в забытом уже хламе. Но безрезультатно, очки не нашел. Немного снизив скорость, он вытащил на сиденье все содержимое этого мини-багажника. И заметил странный не заклеенный конверт. На ней не было ни надписи, ни адреса. Внутри конверта лежала небольшая записка и еще какой-то документ.

Записка была от Аркадия, в ней было всего одно предложение: «С уважением, Аркадий». Раскрыв документ, бывший высокий чиновник увидел, что это дарственная, передающая права собственности на небольшое списанное самоходное судно для портовых перевозок. Оно теперь принадлежало ему, Максиму Архангельскому.

Можно бы сказать по этому поводу: сбылась мечта идиота, — но язык не поворачивается назвать Максима Архангельского идиотом. Хотя, конечно, у баркаса с яхтой что-то общее найти можно. При желании.

Так что — сбылась мечта. Не белоснежная, не золотая, не хрустальная. Даже не «голубая». А ржавая. Такая же ржавая, как вся его семейная жизнь, взгляды на мир и отношение к жизни.

Если мой рассказ напомнил вам одну известную и всеми любимую сказку, не удивляйтесь, что судьба героев сложилась немного по-другому. Все же Аркадий — не золотая рыбка и поступил, поэтому по-своему.

И не считите это за плагиат, ибо я обратился к классике.

Эльчин Исаков.

Эльчин Исаков

Золотая яхта
Сказка для взрослых

От бедности к богатству всего один шаг. И этот шаг, который делает герой книги «Золотая яхта», через пропасть. В книге описана современная история, отдаленно напоминающая известную сказку о Золотой рыбке. Вы совсем недавно слышали рассказы о человеке, который неожиданно сказочно разбогател, и знаете, чем в этой сказке все закончилось. Понять ту меру богатства и черту, за которую лучше не заходить, поможет эта мистическая история, возможно, произошедшая в наши дни. Это может произойти и с Вами.

ISBN 978-5--4485-3167-5

9 785448 531675 >

Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!